

ПРАВО

ЕЖЕНЕДЕЛЬНАЯ ЮРИДИЧЕСКАЯ ГАЗЕТА

1899 г.

№ 18.

Воскресенье 2 мая.

„Право“ издается въ С.-Петербургѣ подъ редакціей приватъ-доцента В. М. Гессена и Н. И. Лазаревскаго и при ближайшемъ участіи: прив.-доц. Ф. А. Вальтера, Г. В. Гессена, О. О. Грузенберга, прив.-доц. А. И. Каминка, В. Д. Набокова, проф. Л. Г. Петражицкаго и В. М. Устинова.

Содержаніе: 1) Обычное право и женскій вопросъ.—Проф. Л. Г. Петражицкаго. 2) Къ вопросу о новомъ проектѣ статей объ авторскомъ правѣ.—А. А. Пиленко. 3) Новыя данныя изъ области криминалистики.—Д-р Н. Gross. 4) Судебные отчеты. 5) Хроника. 6) Письмо въ редакцію.—Д. А. Левина. 7) Библиографія. Журналъ Мин. Юст. Апрель, 1899 г.

8) Справочный отдѣлъ (послѣ текста и на обложкѣ).

РЕДАКЦІЯ (Надеждинская, 7) открыта для личныхъ объясненій по воскресеньямъ отъ 1 ч. до 3 ч. дня.

Статьи, присылаемыя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ, въ случаѣ надобности, исправленію и сокращенію. Статьи должны быть присылаемы за подписью автора, съ указаніемъ его адреса. Ненапечатанныя статьи возвращаются по представленію надлежащаго количества марокъ на ихъ пересылку. Подписная цѣна: на годъ съ доставкой и пересылкой 7 руб., на полгода 4 руб. Допускается разсрочка: при подпискѣ 4 р. и къ первому мая 3 рубля. За границу за годъ—10 руб. Отдѣльные нумера продаются по 20 коп.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА (Надеждинская, 7) открыта отъ 11 час. до 4 час., кромѣ воскресныхъ и праздничныхъ дней.

Обычное право и женскій вопросъ¹⁾.

Въ предыдущихъ очеркахъ намъ пришлось между прочимъ имѣть дѣло съ разными примѣрами благожелательнаго отношенія законодательства, въ отличіе отъ обычнаго права, къ женщинамъ. Мы упомянули, что уголовное и процессуальное законодательство выступали противъ обычно-правового неравенства мужчинъ и женщинъ въ области уголовного права и процесса, что и въ области гражданского права путемъ законодательства были достигнуты разныя болѣе или менѣе существенныя реформы въ пользу женъ, вдовъ и женщинъ вообще, что, между прочимъ, и новое германское уложеніе въ разныхъ отношеніяхъ улучшаетъ положеніе женщинъ; мы указали на недавніе весьма радикальныя англійскіе законы, которые превратили женъ, являющихся по англійскому обычному праву (common law) безправными объектами мужней личной и имущественной власти, въ равноправныхъ и свободныхъ субъектовъ гражданскихъ (въ техническомъ смыслѣ) правъ. Число подобныхъ примѣровъ, особенно изъ области новѣйшаго законодательства, можно было бы, конечно, значительно умножить.

Тѣмъ не менѣе, обзрѣвъ вообще положеніе женщинъ въ правовомъ строѣ новаго цивилизованнаго міра, даже наиболѣе культурныхъ государствъ, мы едва ли могли бы представить

особенно благоприятный отчетъ. Во всякомъ случаѣ на основаніи такого обзора мы не рѣшились бы спорить съ тѣми писателями, которыя считаютъ положеніе женщинъ въ современныхъ законодательствахъ и государствахъ несправедливымъ, несогласнымъ съ прочими началами современной культуры или даже „недостойнымъ“.

Напротивъ, признавая отсталость законодательства въ этой области и справедливость упрековъ по этому поводу, мы имѣемъ въ виду только указать надлежащій адресъ для этихъ упрековъ, которые, по нашему убѣжденію, въ значительной степени разсѣиваются обыкновенно по разнымъ ложнымъ адресамъ, мы постараемся „разоблачить“ истиннаго врага женской равноправности.

Признавая отношеніе законодательства къ женскимъ правамъ неудовлетворительнымъ, мы, какъ это ни кажется страннымъ съ перваго взгляда, въ то же время вмѣняемъ эту несправедливость въ вину не законодательству, какъ таковому, а—обычному праву. Истинная причина аномаліи коренится не въ свойствахъ законодательства, не въ законодательной психикѣ (напр., въ эгоизмѣ мужчинъ, который проявляется въ законодательствѣ, находящемся въ рукахъ мужескаго пола, или т. п.), а въ обычно-правовой психикѣ, въ той психической силѣ, въ томъ кругѣ чувствъ, представленій, убѣжденій, который составляетъ обычное право или имъ порождается. Эта обычно-правовая пси-

¹⁾ См. Право № 16.

хика является могучимъ тормазомъ, который мѣшаетъ прогрессивнымъ вообще и благожелательнымъ склонностямъ законодательства проявиться въ надлежащей мѣрѣ въ нашей области.

Мы вполне сознаемъ, что это утверждение способно вызвать у читателя подозрѣніе въ пристрастіи автора, въ ненаучномъ субъективизмѣ, въ стремленіи произвольно обвинить обычное право даже тамъ, гдѣ оно не причемъ, гдѣ дѣйствующимъ лицомъ является законодательство. Такого рода сомнѣніе являлось у самого автора. Вдумываясь въ существо и психику женскаго вопроса и придя прежде всего на основаніи общихъ дедуктивныхъ соображеній къ упомянутому выводу, мы сами заподозрили правильность и полноту посылокъ этихъ дедукцій, тѣмъ болѣе, что въ дѣлѣ научнаго объясненія столь сложныхъ и подверженныхъ вліянію массы разнообразныхъ факторовъ явленій, какъ то, которое насъ здѣсь интересуетъ, дедукція, по нашему убѣжденію, представляетъ довольно шаткую и скользкую почву, оставляетъ слишкомъ большой просторъ для субъективизма, случайности въ выборѣ посылокъ и оцѣнокъ ихъ силы, чтобы ей предоставить окончательное научное рѣшеніе. Но оказывается, что существуетъ обильный и хорошій матеріалъ для индуктивнаго рѣшенія вопроса и эта индукція весьма ясно и опредѣленно разоблачаетъ упомянутого выше скрытаго, но сильнаго врага эмансипаціи и равноправности женщинъ.

Ограниченность мѣста заставляетъ насъ ограничиться лишь краткими индуктивными намеками и приведеніемъ лишь главнѣйшихъ и крупнѣйшихъ относящихся сюда данныхъ.

1. Сопоставленіе положенія женщинъ въ Старомъ и Новомъ Свѣтѣ (напр., Сѣверо-Американскихъ Штатахъ, Австраліи и т. п.) свидѣтельствуетъ въ пользу того, что наибольшей равноправности женщины достигли тамъ, гдѣ не было наслѣдія „старой пошлыны“—обычнаго права. То же подтверждаетъ сопоставленіе древнихъ, развивавшихся и укруплявшихся въ теченіе многихъ тысячелѣтій обычныхъ правъ старѣйшаго свѣта—Востока съ болѣе молодымъ, съ менѣе обремененнымъ старинною пошлыною Западомъ¹⁾.

¹⁾ Сколь радикально отличается положеніе женщины въ Америкѣ и въ Европѣ, конечно, общеизвѣстно, такъ же какъ извѣстно положеніе женщинъ у восточныхъ народовъ. Поэтому приводитъ факты считаемъ лишнимъ. Ср. de Varigny. La femme aux Etats-Unis 1893. Только для иллюстраціи, какъ это различіе проявляется во всѣхъ отношеніяхъ мужчинъ и женщинъ и подмѣчается американками и американцами, между прочимъ, даже въ гостиныхъ, приведемъ слѣд. слова Брайса (Американская республика): „Если даже женщина по своему общественному положенію, по своему уму и образованію превосходитъ европейца, послѣдній всетаки считаетъ себя выше ея, какъ мужчина, и даетъ ей это чувствовать. Подобная идея никогда не придетъ въ голову американцу. Онъ разговариваетъ съ женщиной, какъ съ равной себѣ, только съ большимъ почтеніемъ въ тонѣ, выбирая сюжеты,

2. И въ предѣлахъ европейскихъ народовъ языкъ фактовъ тотъ же. Такъ, сравнивъ положеніе женщинъ у славянскихъ и германскихъ (и романскихъ) народовъ, мы бы констатировали довольно удивительный и prima facie непонятный фактъ, а именно, что право значительно болѣе культурныхъ германскихъ народовъ въ области женскаго вопроса стоитъ ближе къ правамъ менѣе культурной эпохи, нежели право менѣе культурныхъ славянъ. Этотъ своеобразный культурно-историческій парадоксъ легко объясняется и является еще однимъ подтвержденіемъ защищаемой нами теоріи, если принять во вниманіе, что семейственное право, въ особенности отношенія между мужемъ и женою, составляютъ особенно благоприятную область для развитія и значительной силы дѣйствія обычая и, стало быть, неблагоприятную почву для свободнаго законодательнаго регулированія, и что, поэтому, болѣе юная славянская культура, именно вслѣдствіе своей юности, не достигла въ этой области столь прочныхъ обычно-правовыхъ кристаллизаций, въ частности столь прочно окаменѣвшей власти мужа, какъ культура германскихъ народовъ.

Новыя идеи, научная и иная проповѣдь равноправности женщинъ, наталкиваются у германскихъ народовъ на болѣе стойкое сопротивленіе со стороны *inveteratae consuetudines*, нежели у славянъ.

Подобнаго рода индуктивныя сопоставленія можно было бы продолжить и дальше въ томъ же направленіи, сопоставляя, напр., разные германскіе народы (напр., Германію и Англію, съ одной стороны, Швецію и Норвегію—съ другой) или славянскіе—другъ съ другомъ. Здѣсь, впрочемъ, индуктивная ясность языка фактовъ умалывается вслѣдствіе того, что дѣло идетъ о меньшихъ массахъ фактовъ, менѣе обезличенныхъ и свободныхъ отъ конкретныхъ осложнений (ср. сходныя положенія теоріи статистики). Такъ, напр., едва-ли гдѣ-либо въ Европѣ встрѣчается столь мало внутренняго сопротивленія со стороны психической силы обычно-правового происхожденія противъ предоставленія разныхъ *iura honorum* и *commercii* женщинамъ, какъ въ Россіи, но въ то же время вслѣдствіе, т. е., чисто случай-

которые ее могутъ интересовать, но разсуждая о нихъ такъ, какъ онъ разговаривалъ бы съ чело-вѣкомъ, мнѣнію котораго онъ придаетъ такое же значеніе, какъ своему“. Для объясненія несравненно болѣе высокаго положенія женщины въ Америкѣ приводятся весьма разнообразныя соображенія, напр., указывается на заслуги американскихъ женщинъ во время борьбы за независимость и т. п. Дальнѣйшія сопоставленія и факты, приводимые въ текстѣ, опровергаютъ, какъ намъ кажется, довольно ясно разныя соображенія и теоріи по этому вопросу и обнаруживаютъ дѣйствительную и весьма реальную, хотя для внѣшняго наблюденія незамѣтную причину этого культурнаго контраста.

ной причины — неудачи попыток достигнуть гражданской кодификации — мы встрѣчаем здѣсь давно устарѣвшее наследственное право, обижющее женщинъ. Эта случайная (по отношенію къ нашей теоріи) аномалія, съ другой стороны, съ избыткомъ перевѣшивается тѣмъ весьма характернымъ фактомъ, что въ томъ же устарѣвшемъ Сводѣ мы находимъ признаніе полной раздѣльности имущества супруговъ и самостоятельной дѣеспособности жены, между тѣмъ какъ въ цивилизованнѣйшей странѣ — Англии, какъ указано выше, еще до семидесятихъ годовъ жены въ имущественномъ гражд. правѣ совсѣмъ не было видно изъ-за мужа, жена не числилась въ ряду самостоятельныхъ субъектовъ имущественнаго права. Въ 1753 году Сенатъ (по дѣлу Головиной) рѣшилъ, что жена можетъ распоряжаться своимъ имуществомъ, не спрашивая согласія мужа, — въ 1889 году великій нѣмецкій ученый Оттонъ Гирке пишетъ: ¹⁾

„Проектъ (первый проектъ гражд. уложенія) желаетъ устранить власть мужа надъ женою (das ehemännliche Mundium). Иного, въ виду его романистическаго направленія (это въ устахъ Гирке означаетъ высшую степень порицанія), отъ него тѣмъ менѣе можно было ожидать, что къ сожалѣнію уже Уставъ гражд. судопроизводства подалъ примѣръ въ этомъ направленіи, предоставивъ женѣ процессуальную способность“... и т. д. въ томъ же негодующемъ и вмѣстѣ жалобномъ тонѣ со ссылкой, между прочимъ, на еще теперь живущіе „наши нѣмецкіе обычаи и воззрѣнія“ (стр. 404).

Не правда-ли, удивительный фактъ!

3. Весьма красивый матеріалъ для индукціи по „сходству“, „различію“ и „сопутствующимъ измѣненіямъ“ даютъ намъ и разные классы и сословія однихъ и тѣхъ же народовъ. Если сопоставить обычныя права крестьянъ, дворянъ, „третьяго сословія“ и „четвертаго“, то получается положеніе: права женщины обратно пропорціональны возрасту сословія (или: старшинству и крѣпости обычнаго права). Конечно, формула эта выражаетъ не математически точную мѣру эмпирической дѣйствительности, а общую тенденцію, которая вслѣдствіе разныхъ конкретныхъ осложненій можетъ дать такіе результаты, какіе получаются въ случаѣ параллелограмма силъ, сложения ихъ или вычитанія. Тѣмъ не менѣе уже простое фактическое наблюденіе довольно ясно подтверждаетъ нашу мысль.

На первомъ мѣстѣ по старинности и крѣпости обычнаго права вообще слѣдуетъ поставить крестьянъ: здѣсь вообще наиболѣе сильно и распространено различіе правъ мужчины и женщины. Таковое, напр., наблюдается и притомъ подчасъ въ довольно рѣзкой формѣ даже и

у славянъ, напр., и у великороссовъ, малороссовъ (гдѣ права „человѣка“ и его жінки, какъ въ громадѣ, въ области публичнаго права, такъ и дома весьма различны, гдѣ именно только человекъ, но не баба есть человекъ, лицо въ полномъ юридическомъ смыслѣ слова). Далѣе идетъ дворянство, гдѣ даже рыцари при всемъ ихъ рыцарскомъ отношеніи къ благороднымъ дамамъ, даже во время культа дамъ сердца, признають за ними лишь весьма ограниченную гражданскую правоспособность и не признають никакой публичной правоспособности. Здѣсь mundium, агватская система наследованія etc. весьма упорно сохраняются и весьма рѣзко выражены. Какъ видно изъ Einführungsgesetz къ новому герм. гражд. кодексу и впродъ наиболѣе благородныя „дамы“ и „бабы“ будутъ на особомъ положеніи.

Лучше положеніе женщинъ въ сравнительно новомъ, недавно переставшемъ быть новѣйшимъ, сословіи — въ буржуазіи, среди бюргерства.

Что женщина или жена-купецъ (при чемъ имѣется въ виду не только торговля въ экономическомъ смыслѣ, а промышленность вообще, кромѣ дворянской и крестьянской — земледѣлія) есть наиболѣе самостоятельный и равноправный типъ женщины въ гражданскомъ и торговомъ правѣ — это фактъ не случайный. Точно также центръ тяжести англійскаго закона 1870 г., перваго изъ упомянутыхъ трехъ законовъ, состоялъ въ предоставленіи правъ промышленяющимъ и зарабатывающимъ женщинамъ. Вообще изъ кодексовъ и учебниковъ права можно вывести заключеніе, что наиболѣе неблагоприятно для женщинъ крестьянское и дворянское, наиболѣе благоприятно право средняго рода людей. Этотъ выводъ слѣдуетъ исправить и доподнить наблюденіемъ дѣйствительной жизни въ томъ отношеніи, что есть еще новѣйшій, четвертый родъ людей, который, какъ это, напр., видно уже изъ состава его публичныхъ собраній и начальной формулы обращенія ораторовъ, признаетъ за женщинами (Genossinnen) и полную публичную правоспособность. Различіе положенія женщины среди бюргерства, даже, напр., въ сферѣ т. н. партіи свободомыслящихъ, съ одной стороны, и среди рабочихъ и въ ихъ партіи, съ другой, пожалуй, почти столь же рѣзко, какъ разница между положеніемъ женщины въ буржуазіи и въ крестьянскомъ сословіи.

4. Можно было бы привести не мало фактовъ и иного рода, свидѣтельствующихъ о томъ же. Весьма интересные результаты дало бы сопоставленіе характера и состава аргументаціи въ литературѣ и законодательныхъ сферахъ, разныхъ доводовъ pro и contra и ихъ сравнительной оцѣнки — въ случаяхъ возникновенія какого-либо законодательнаго вопроса изъ области правъ женщинъ, смотря по различію обычно-правовой подкладки. Такое сравнительное изученіе, между прочимъ, можно было бы

¹⁾ Der Entwurf eines bürgerlichen Gesetzbuchs und das deutsche Recht, стр. 403.

рекомендовать, какъ одно изъ хорошихъ средствъ для ознакомленія со своеобразной, но до сихъ поръ научно не изслѣдованной, обычно - правовой психикой вообще, съ вліаніемъ этого психическаго явленія моральнаго разряда на интеллектуальную сторону, даже на ученую аргументацію и т. п. Здѣсь подобныя сопоставленія потребовали бы слишкомъ много мѣста, но можно кратко указать и здѣсь на среднее интересное явленіе, на различіе степени подъема агитационной и законодательной температуры по поводу реформы женскихъ правъ, на различіе интенсивности проявляющихся по этому поводу чувствъ, воодушевленія, съ одной стороны; негодованія, съ другой, соответствующее различію возраста и крѣпости *inveteratae consuetudines*. Чѣмъ больше сила давленія обычно-правовой психики, тѣмъ большей интенсивности должно достигнуть давленіе энтузіазма въ пользу просвѣщенныхъ передовыхъ идей, чтобы дѣло реформы могло двинуться впередъ, тѣмъ сильнѣе разряженіе этихъ силъ и конфликтъ, и тѣмъ выше поднимается температура чувствъ. У насъ предоставленіе какихъ-либо правъ женщинамъ, даже въ области публичнаго права, напр., правъ государственной службы, проходитъ мало замѣченнымъ, какъ вполне естественное явленіе, и можно предсказать, что подобное же отношеніе въ публикѣ и законодательныхъ сферахъ встрѣтятъ разныя реформы гражданскихъ правъ женщинъ, которыя, конечно, войдутъ въ будущее гражданское уложеніе. Сравнительно не особенно крупныя реформы въ эту правовую область внесла новая германская кодификація. И хотя въ этомъ же законопроектѣ по разнымъ другимъ вопросамъ содержались болѣе существенныя нововведенія, особенный подъемъ температуры, особая воодушевленная агитация и аргументація *pro* и *contra*, энергичное собраніе подписей, подача петицій и т. п. произошли именно по поводу личныхъ и имущественныхъ отношеній между супругами, т. е. въ области преимущественнаго господства обычно-правовой психики и столкновенія съ нею новаго интуитивнаго права и передовыхъ идей. Но эти явленія ничто въ сравненіи съ тѣмъ, что замѣчалось въ Англіи, напр., въ теченіе 1868—1870 (и послѣдующихъ) годовъ, въ періодъ споровъ по поводу перваго изъ упомянутыхъ выше законовъ, предоставившаго женщинамъ сравнительно еще весьма ограниченныя права. Знаменательны уже цифры 1868—1870 г. сами по себѣ. Проектъ былъ внесенъ въ палату и обсуждался тамъ уже въ 1868 г., возобновились и продолжались дебаты и въ слѣдующемъ году, и, наконецъ, послѣ дальнѣйшихъ споровъ, въ 1870 г. состоялся законъ. Въ 1873 г. состоялось въ Англіи 248 митинговъ о правахъ женщинъ, въ 1874 г. число составленныхъ по тѣмъ же вопросамъ петицій составляло 1427. Такіе контръ-аргументы, какъ слова

„революція“, потрясеніе основъ и т. п. представляли обычное явленіе. Что именно въ Англіи, странѣ обычнаго права, движеніе въ пользу женщинъ повело въ концѣ-концовъ къ особенно быстрому и радикальному реформамъ, не противорѣчитъ нашему взгляду, а, напротивъ, подтверждаетъ его. Радикализмъ законодательства именно объясняется силою взрыва, вызваннаго предыдущимъ гнетомъ косности обычно-правовой психики. Знаменательны также и самый ходъ законодательныхъ реформъ. За подавленіемъ перваго сопротивленія быстро послѣдовали дальнѣйшія, болѣе рѣшительныя реформы. Это именно соответствуетъ особой природѣ обычно-правовой психики. Она крѣпка, пока она остается въ нетронутомъ видѣ, пока въ системѣ обычаевъ и обычно-правовыхъ вѣрованій и представленій не сдѣлано бреши. Тогда и малое измѣненіе кажется невозможнымъ и невѣроятнымъ. Но разъ брешь сдѣлана, то и удѣлвшія части теряютъ прежнюю крѣпкую психическую почву, и дальнѣйшія болѣе существенныя измѣненія встрѣчаютъ уже меньшее сопротивленіе.

Но особенно характерныя наблюденія можно было бы сдѣлать въ области вопроса о допущеніи женщинъ къ высшему образованію. *A priori* слѣдовало бы ожидать, что отношеніе къ этому вопросу общества и законодательства должно соответствовать степени развитія просвѣщенія въ данной странѣ. Но на дѣлѣ оказывается, что это столь естественное соображеніе не оправдывается. Есть какая-то скрытая сила, которая вызываетъ разныя отклоненія и аномаліи. Здѣсь наблюдаются своеобразныя антиноміи и парадоксы культурной жизни, явленія, повидимому, въ высшей степени загадочныя и необъяснимыя. Извѣстна, напр., скрытая и явная оппозиція совѣтовъ университетовъ, этихъ просвѣщеннѣйшихъ „сословій“ въ просвѣщеннѣйшихъ странахъ Европы, и студентовъ этихъ университетовъ противъ допущенія женщинъ къ слушанію лекцій. Наиболѣе характерныя факты (необходимость конвоевъ, уличныя схватки и т. п.) опять встрѣчаемъ въ странѣ обычнаго права—въ Англіи (эдинбургскіе безпорядки въ университетѣ, хирургическомъ колледжѣ и на улицахъ въ концѣ 70-хъ годовъ). Точно также въ Англіи были примѣнены весьма неподобающіе приемы со стороны пользующагося міровою извѣстностью ученаго общества (*British medical association*) для лишенія правъ членства коллегъ-женщинъ. (Нехорошую славу въ такомъ же направленіи приобрѣло лондонское гинекологическое общество *Obstetrical society*, ср. также отношеніе лондонскаго медицинскаго конгресса 1881 г.). Характеренъ также тотъ фактъ, что извѣстный *Russel Gurney's act*, допустившій выдачу женщинамъ медицинскихъ дипломовъ, состоялся въ 1871 г. (въ связи съ упомянутымъ выше женскимъ движеніемъ), но законъ этотъ достигъ примѣненія на дѣлѣ въ

самой Англии (въ Ирландіи раньше) лишь въ 1878 г. (лондонскій университетъ; его примѣру лишь въ 1881 г. послѣдовалъ кембриджскій университетъ, а въ 1884 г. оксфордскій).

А возможно-ли принятіе студентки въ какую-либо изъ типичныхъ, въ смыслѣ сохраненія обычнаго права, нѣмецкихъ студенческихъ корпорацій въ качествѣ члена? Богато развитая и весьма интенсивная обычно-правовая психика этихъ корпорацій явилась бы столь абсолютнымъ препятствіемъ, что подобное явленіе намъ представляется совсѣмъ невѣроятнымъ. Въ иномъ видѣ представляется отношеніе студентовъ, врачей и т. д. къ коллегамъ-женщинамъ въ Россіи.

Впрочемъ, конечно, главное значеніе мы придаемъ не этимъ болѣе мелкимъ фактамъ и наблюденіямъ, число коихъ можно было бы умножить ad libitum, а даннымъ, указаннымъ выше sub 1—3. Уже изъ этихъ крупныхъ и основныхъ данныхъ (изъ индуктивнаго сопоставленія ихъ) можно вывести законъ-тенденцію обратно пропорціональнаго отношенія между развитіемъ и прочностью кристаллизаціи обычнаго права и объемомъ правъ женщинъ. Сравнивая этотъ „законъ“ съ однородными новыми добычами науки въ области социальной жизни (въ предѣлахъ исторіи и современнаго состоянія новыхъ культурныхъ народовъ, но на пространствѣ продолжительной эпохи культуры), можно сказать, что хотя и мы говоримъ только о законѣ-тенденціи, но установленная нами формула тѣмъ выгодно отличается отъ большинства подобныхъ положеній, что она несравненно ближе къ эмпирической дѣйствительности, нежели прочія подобныя формулы (не исключая, напр., знаменитыхъ законовъ спроса и предложенія, ренты, закона Тюнена и т. п.), заключаетъ въ себѣ наименѣе фикціи въ смыслѣ несоотвѣтствія эмпирической дѣйствительности; до какой степени установленная формула цѣнна даже при эмпирическомъ ея толкованіи и примѣненіи, иными словами, до какой степени установленная тенденція почти исключительно „управляеть“ дѣйствительностью, мало терпитъ отклоненій на дѣлѣ вслѣдствіе дѣйствія иныхъ причинъ (напр., просвѣщенія, національныхъ особенностей, экономическаго состоянія страны), показываетъ сопоставленіе, напр., рабочаго класса съ высшею аристократіей (просвѣщеніе¹⁾), Англии съ Америкой (на-

циональное происхожденіе и экономическое развитіе)¹⁾, Россіи съ Англійей и т. п.

Какъ бы то ни было, предыдущія данныя ясно показываютъ, гдѣ коренится основная причина продолжающейся до сихъ поръ, вопреки прочему содержанію современнаго культурнаго права, довольно рѣзкой неравноправности женщинъ и кого онѣ должны винить въ своемъ приниженномъ положеніи. Если женщины винятъ мужчинъ въ эгоизмѣ, отрицательное отношеніе коллегъ, врачей, студентовъ и т. п., такъ просто и легко объясняютъ профессиональною завистью и т. п., то онѣ все-таки ошибаются, онѣ ясно не сознаютъ, гдѣ скрывается ихъ истинный врагъ и куда и какъ имъ слѣдуетъ направить свои боевыя силы.

Предыдущія индуктивныя сопоставленія, это ясно, элиминируютъ вмѣстѣ съ разными другими факторами и степень развитія альтруистическихъ чувствъ и показываютъ, что не эгоизмъ, а совершенно отличная отъ него психическая сила sui generis преграждаетъ женщинамъ путь къ равноправности.²⁾

Эта сила есть главнымъ образомъ сила обычно-правовой психики, и отсталость законодательства въ этой области объясняется не недостатками закона, какъ особаго вида положительнаго права, а тѣмъ, что этому вообще гуманному и прогрессивному фактору праворазвитія трудно преодолѣть сопротивленіе не склоннаго къ гуманности и прогрессу обычая.

При такомъ освѣщеніи вопроса мы считаемъ возможнымъ признать то, что новое законодательство все таки сдѣлало въ пользу женщинъ, несмотря на сравнительную скромность успѣховъ въ этой области, положительною заслугою закона, свидѣтельствомъ въ его пользу.

Въ заключеніе выскажемъ пожеланіе и надежду, что во всякомъ случаѣ современемъ наши будущіе коллеги обижаемаго теперь пола, ученые юристы и практики—женщины обратятъ особое вниманіе, съ одной стороны, на изученіе обычнаго права и связанныхъ съ нимъ чувствъ, представленій и волевыхъ движеній, какъ своеобразной, но могучей и недружелюбной для нихъ психической силы (для успѣха борьбы надо знать противника и его свойства), съ другой стороны, на науку политики права,

Значительно ниже оказался бы уровень цивилизаціи нѣмцевъ. Совсѣмъ нецивилизованною страной (во всякомъ случаѣ до новѣйшихъ реформъ) оказалась бы Англія.

¹⁾ Мы уже выше намекнули, что въ обычно-правовой психикѣ и ея дѣйствіи въ исторіи находится, между прочимъ, серьезный фактичскій камень преткновенія для экономическаго материализма вообще. Во всякомъ случаѣ уже изъ за этого фактора нельзя было бы такъ просто сказывать сказку исторіи, какъ это дѣлаютъ экономическіе материалисты.

²⁾ Хотя, конечно, развитіе древняго обычнаго права происходило подъ рѣшительнымъ влияніемъ мужскаго некультурнаго и грубаго эгоизма, который и теперь не вполне лишился значенія.

¹⁾ У нѣкоторыхъ мыслителей встрѣчаемъ афоризмъ, что характеръ отношенія къ женщинамъ является показателемъ уровня цивилизаціи народа. Между прочимъ, и Брайсъ (указ. с. III, стр. 388) считаетъ положеніе женщинъ „если не самымъ совершеннымъ мѣриломъ цивилизаціи страны, то однимъ изъ самыхъ лучшихъ“. Расположивъ по этому лучшему масштабу степени цивилизаціи европейскихъ народовъ, мы бы получили результатъ, что высшаго Уровня цивилизаціи достигли славяне, при чемъ Русскіе, напр., были бы значительно впереди чеховъ.

как на средство привести въ движеніе дружественныя силы не только путемъ воодушевленныхъ резолюцій, петицій и т. п., но и путемъ серьезной и истинно-научной, глубоко обоснованной системы аргументаціи.

Слѣдуетъ также обратить женщинамъ свое вниманіе и на юриспруденцію въ собственномъ смыслѣ, въ частности на принципъ законности въ тѣсномъ значеніи этого слова. Дѣло въ томъ, что (какъ это и обыкновенно бываетъ по отношенію къ пасынкамъ дѣйствующаго права) обычная практика, въ особенности административная, но также и судебная, проявляетъ тенденцію въ своемъ непризнаніи и несоблюденіи правъ женщинъ идти дальше закона, дѣлать произвольныя отступленія отъ принципа законности во вредъ женщинамъ, устанавливать непредусмотрѣнныя вовсе закономъ ограниченія, изыятія и недопущенія.

Наиболѣе важный и обычный типъ такихъ произвольныхъ ограниченій правъ женщинъ таковъ:

Въ законахъ о разнаго рода частныхъ профессіяхъ, разныхъ видахъ государственной или общественной службы и т. п. дѣятельности и правахъ гражданъ не установлено того изыятія по адресу лицъ женскаго пола, которое вводитъ и упорно сохраняетъ практика. Положимъ, въ большинствѣ такихъ случаевъ законодатель, если бы онъ предусмотрѣлъ возможность, что этими правами, профессіями и т. п. пожелаютъ воспользоваться и женщины, въ его время не проявившія такихъ желаній, можетъ быть, самъ ввелъ-бы въ свой законъ соответственное изыятіе. Но въ другихъ случаяхъ онъ, пожалуй, проявилъ-бы смѣлость и гуманность свою тѣмъ, что даже особо оговорилъ-бы на всякій случай, что отнюдь особаго изыятія и ограниченія для женщинъ не вводится. Какъ бы то ни было, по началу дозволенности того, что не запрещено закономъ, по правилу *ubi lex non distinguit et nos distinguere non debemus* и другимъ извѣстнымъ общимъ юр. аксіомамъ слѣдовало бы возбудить законодательный вопросъ для установленія соответственнаго ограниченія и только въ случаѣ отрицательнаго для женщинъ рѣшенія вопроса со стороны законодателя можно было бы запрещать, не допускать и т. п. Но практика сама выдумываетъ quasi-юридическіе аргументы и произвольно вводитъ не существующія изыятія ¹⁾. И это не единственная категорія случаевъ худшаго отношенія практики, нежели закона, къ женщинамъ. Между прочимъ, уже выше мы имѣли дѣло съ примѣромъ упорства въ недопущеніи женщинъ со стороны университетовъ къ приобрѣтенію меди-

цинскихъ дипломовъ, несмотря на существованіе особаго дозволительнаго закона по этому вопросу.

Л. Петражицкій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Къ вопросу о новомъ проектѣ статей объ авторскомъ правѣ.

(Окончаніе ¹⁾).

Къ числу наиболѣе неудачныхъ постановленій проекта необходимо причислить ст. 16-ю, гласящую:

„Ст. 16. Перепечатка въ предѣлахъ Россіи сочиненій, изданныхъ за границей, не допускается безъ согласія ихъ авторовъ“.

„Но сочиненія, изданныя за границею, если противное не установлено въ договорахъ, заключенныхъ Россіей съ иностранными государствами, могутъ быть переводимы въ Россіи на русскій или иные языки“.

Пишущему эти строки уже не разъ приходилось высказываться въ печати о необходимости расширить защиту правъ иностранныхъ авторовъ. Цитированная шестнадцатая статья, повидимому, даетъ достаточное удовлетвореніе въ этомъ смыслѣ. А между тѣмъ, какъ это ни странно, приходится нынѣ высказать категорическое пожеланіе о томъ, чтобы эта статья была безусловно вычеркнута изъ проекта.

Какъ видно изъ объяснительной записки, статья 16-я явилась въ проектѣ результатомъ компромисса двухъ противоположныхъ направлений, изъ коихъ одно требовало полнаго уравниванія иностранцевъ съ русскими подданными, а другое стояло за *status quo ante*, т. е. за абсолютную свободу пользованія иностранными сочиненіями. Мы не будемъ здѣсь снова поднимать вопроса о литературныхъ конвенціяхъ: вопросъ этотъ слишкомъ ужъ надоѣлъ нашей читающей публикѣ; онъ рѣшенъ комиссіей въ отрицательномъ смыслѣ ²⁾, — и съ этимъ необходимо считаться. Но мы должны отмѣтить, что противники конвенцій уступили въ важномъ, принципиальномъ вопросѣ, признавъ за иностранцемъ авторское право, и указавъ въ мотивахъ, что это право ограничивается только по соображеніямъ пѣлесообразности.

Уступки свои противники конвенцій формулировали въ возможно болѣе рестриктивной редакціи, и меньшинству пришлось принять эту редакцію, такъ какъ, обладая двумя голо-

¹⁾ См. Право № 17.

²⁾ Впрочемъ, лишь условно. См. мотивы, стр. 75—76: „Россія, если это будетъ признано своевременнымъ и желательнымъ, можетъ во всякое время вступить въ международные договоры... Но самый вопросъ о необходимости присоединенія Россіи къ Бернской конвенціи... какъ относящійся къ политикѣ международной, не входитъ въ кругъ задачъ, подлежащихъ обсужденію въ проектѣ“.

¹⁾ Примѣры такой аргументаціи читатель можетъ, между прочимъ, найти въ № 7 Права, въ „письмѣ изъ Парижа“ (недопущеніе женщинъ къ занятію адвокатурой судами Бельгіи, Франціи, Италиі).

сами противъ пяти, приходится довольствоваться и малымъ. Результаты же получились слѣдующіе.

Перепечатка иностранныхъ книгъ, гдѣ бы онѣ ни были изданы, запрещается. Мотивы объясняютъ это постановленіе слѣдующимъ образомъ: „Перепечатка въ Россіи иностранныхъ сочиненій встрѣчается весьма рѣдко, вслѣдствіе сего на практикѣ установленное правило не можетъ вызвать какихъ-либо стѣсненій. Между тѣмъ, въ интересахъ справедливости желательно оградить иностранныхъ авторовъ и т. д.“ (стр. 64). *Справедливость*, значитъ, требуетъ того, чтобы законъ запретилъ механическую перепечатку сочиненій, изданныхъ за границей. Распространяется ли эта справедливость и на музыкальныя изданія? Казалось бы, что изготовленіе фотоцинкографіи съ готовыхъ чужихъ нотъ требуетъ еще менѣе личнаго творчества, чѣмъ работа наборщика - контрафактора. Но проектъ рѣшаетъ иначе: дѣйствіе ст. 16-й не распространяется ни на музыкальныя (ст. 37 и стр. 138), ни на художественныя произведенія (ст. 52).

Чѣмъ объяснить такое различіе? Почему справедливость для книгъ является въ проектѣ иною, чѣмъ справедливость для нотъ и гравюръ? — Всякій непредубѣжденный человѣкъ скажетъ себѣ: законы объ авторскомъ правѣ защищаютъ художественное творчество; творчество это можетъ вылиться въ самыя разнообразныя формы, не теряя права на защиту; чисто-субъективный вопросъ о томъ, какими внѣшними способами передаетъ человѣкъ свое вдохновеніе, — не можетъ вліять на квалификацію поступковъ контрафактора; то, что одинъ изображаетъ въ стихахъ, другой можетъ нарисовать, а третій — сыграть; украшій плоды чужого творчества остается контрафакторомъ, независимо отъ того, вложилъ ли Богъ въ уста творца пѣсню или стихи. Непредубѣжденный человѣкъ скажетъ поэтому: проектъ создаетъ небывалыя въ лѣтописи уголовного права *distinctiones*; ноты пѣсенки можно перепечатать, текстъ же нельзя; уголовная отвѣтственность (и порядочная!) будетъ поставлена въ зависимость отъ того, изображенъ ли скопированный оригиналъ литерами или нотными крючками.

Чѣмъ же объясняютъ мотивы такое различіе? Мы цитировали выше соображенія *справедливости*, требующей вознагражденія иностранныхъ авторовъ. На стр. 138 мотивы добавляютъ: „Если вопросъ о перепечаткѣ литературныхъ произведеній иностранныхъ авторовъ не имѣетъ большого практическаго значенія для Россіи ¹⁾, то, наоборотъ, вопросъ о

перепечаткѣ музыкальныхъ произведеній является весьма важнымъ... Въ Россіи сочиненія иностранныхъ композиторовъ имѣютъ большое распространеніе среди лицъ, интересующихся музыкою, и часто перепечатываются“. А потому ст. 16-я на произведенія музыкальныя распространена быть не можетъ.

Но если иностранныя книги въ подлинникѣ не перепечатываются въ Россіи, а ноты перепечатываются усиленно, то законъ, который запрещаетъ перепечатку книгъ и позволяетъ перепечатку нотъ, едва-ли имѣетъ много общаго со справедливостью.

Но, кромѣ приведенныхъ соображеній, мы можемъ указать также на чисто практическія неудобства, которыя могутъ возникнуть на почвѣ чрезчуръ тонкихъ разграниченій ст. 16-й. Существуетъ, на примѣръ, цѣлый рядъ художественныхъ произведеній, для которыхъ защита конструируется проектомъ въ двухъ видахъ: или по ст. 35, или по ст. 52—62. Таковы географическія, топографическія и астрономическія карты, глобусы, чертежи и т. д. Проектъ признаетъ (стр. 167), что отнесеніе какой-нибудь географической карты въ группу произведеній художественныхъ — съ одной стороны, литературныхъ — съ другой есть вопросъ факта, рѣшаемый въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ судомъ. Примѣняя къ этимъ произведеніямъ ст. 16-ую, мы принуждены будемъ сказать: напечатанная за границей карта, гравированная иностранцемъ, пользуется въ Россіи защитой, поскольку она есть литературное произведеніе, но можетъ быть перепечатываема свободно, поскольку она есть произведеніе художественное. Мы не думаемъ, чтобы въ этомъ вопросѣ было легко разобраться.

Перечисленными недостатками, однако, не исчерпывается то, что можно сказать противъ ст. 16-ой.

Всякій результатъ компромисса обреченъ на внутреннія противорѣчія; статья 16-я — вдобавокъ — идетъ въ разрѣзъ съ другими постановленіями проекта.

Мы позволимъ себѣ изложить, какія слѣдствія вытекаютъ изъ сопоставленія ст. 2-й и 16-й, если это сопоставленіе сдѣлать по всѣмъ правиламъ неумолимой герменевтики. Субъектами авторскаго права (ст. 2) считаются:

А. Для неизданныхъ произведеній — всѣ авторы безъ различія подданства;

В. Для изданныхъ произведеній:

а) всѣ авторы — русскіе подданные, и

б) всѣ авторы безъ различія подданства, если сочиненія ихъ изданы въ Россіи.

Изъ этой схемы видно, что *не пользуются* въ Россіи авторскимъ правомъ только *иностранцы, издающіе* свои сочиненія *за границей* (группа С). При отсутствіи одного изъ этихъ

¹⁾ Параллельное мѣсто на стр. 64: „Перепечатка въ Россіи заграничныхъ сочиненій встрѣчается весьма рѣдко, вслѣдствіе чего на практикѣ установленное правило не можетъ вызвать какихъ-либо стѣсненій“.

трехъ признаковъ—защита гарантируется въ полномъ объемѣ.

Послѣ этого мы обращаемся къ ст. 16-й и видимъ, что она гарантируетъ защиту именно иностранцамъ, издающимъ свои сочиненія за-границей. Кругъ, такимъ образомъ замыкается: проектъ защищаетъ всѣ литературныя произведенія, гдѣ бы и къмъ бы они ни были изданы.

Но тогда возникаетъ вопросъ: къ чему проектъ перечисляетъ всѣ вышеуказанныя сложныя группы, разъ сумма ихъ объемлется точнымъ и единымъ признакомъ (всякое изданное и неизданное произведение)? Кажущееся—но только кажущееся—объясненіе даетъ 2-ой абзацъ ст. 16-й, по которому (см. выше) сочиненія, принадлежащія къ группѣ С., не пользуются правомъ перевода. Но все-таки было бы болѣе логично въ ст. 2-ой сказать „всѣ произведенія“—а о свободѣ перевода для группы С. упомянуть, какъ объ исключеніи, въ соотвѣствующей статьѣ (напр., 10-й).

Эта странность объясняется тѣмъ, что статья 2-ая гарантируетъ группамъ А и В „авторское право“, т. е. „исключительное право печатать и, вообще, размножать произведеніе всѣми возможными способами“. Въ статьѣ-же 16-ой объ авторскомъ правѣ *нѣтъ ни слова*: „перепечатка не допускается безъ согласія авторовъ“. Отсюда совершенно естественно вытекаетъ заключеніе, что для группъ А. и В. проектъ устанавливаетъ авторское право, а для группы С.—какую-то странную quasi-Герберовскую конструкцию: права не существуетъ, но перепечатывать запрещено.

Такая постановка вопроса практически поведетъ къ невообразимымъ трудностямъ. Вопросъ этотъ слишкомъ сложенъ для объемовъ данной замѣтки. Мы позволимъ себѣ только намѣтить нѣсколько вопросовъ, могущихъ возникнуть при примѣненіи ст. 16-ой. Перепечатывать нельзя, но можно-ли исказить до пародіи то сочиненіе, на которое въ Россіи нѣтъ авторскаго права? Цитировать можно—но надо ли указывать источникъ и имя автора? Можно ли перепечатывать тѣ сочиненія, которыя, даже если они изданы въ Россіи,—по самому существу своему (ст. 12 и 17)—проектомъ не защищены (предположивъ, что въ странѣ изданія они пользуются защитой)? Можно ли перепечатать произведеніе, принадлежащее къ группѣ С.,—въ христоматіи (если въ странѣ изданія этого сдѣлать нельзя; отмѣтимъ, что ст. 16-ая говоритъ о „перепечаткѣ“)? Наконецъ, сколько же времени запрещается такая перепечатка? (здѣсь возможны самыя разнообразныя комбинаціи: защита на мѣстѣ изданія *in thesi* длиннѣе ¹⁾, чѣмъ въ Россіи *in hypothesis*,—или наоборотъ ²⁾; на мѣстѣ изданія сочиненіе уже состоитъ въ

domaine public payant ¹⁾, а въ Россіи, *in hypothesis*, срокъ еще течетъ,—или уже кончился и т. д.).

Имѣя въ виду все сказанное, мы позволяемъ себѣ резюмировать такъ: ст. 16-ая запрещаетъ такія нарушенія авторскаго права, которыя—по признанію самихъ авторовъ проекта—на практикѣ почти не встрѣчаются; двѣ громадныя категоріи художественныхъ произведеній (музыка, искусства изобразительныя) совсѣмъ изъяты изъ дѣйствія ст. 16-ой; въ тѣхъ же рѣдкихъ случаяхъ, когда эта статья будетъ примѣняться на практикѣ—толкованіе ея будетъ сопряжено съ неисчислимыми трудностями.

Поэтому, статья 16-я должна или исчезнуть изъ проекта, или уступить мѣсто болѣе-подробнымъ и яснымъ постановленіямъ.

IV.

Въ заключеніе мы позволимъ себѣ сдѣлать нѣсколько мелкихъ замѣчаній.

Въ статьѣ 2-ой авторское право определяется, какъ „исключительное право печатать и вообще размножать произведеніе всѣми возможными способами“. Большинство иностранныхъ законодательствъ говоритъ о всѣхъ возможныхъ *механическихъ* способахъ. Отъ руки копировать воспрещается только ноты (расписываніе партитуръ на голоса), да художественныя произведенія (для сбыта).

Статья 8-ая, говоря о старинныхъ произведеніяхъ, указываетъ, что издатели ихъ „пользуются авторскимъ правомъ въ продолженіе 30 лѣтъ со времени изданія, если кто либо не докажетъ своего авторскаго права на это сочиненіе“. Было бы, можетъ быть, безопаснѣе прибавить, что это „доказываніе“ должно произойти *до истеченія* вышеуказаннаго 30-лѣтняго срока.

Статья 11-ая устанавливаетъ сокращенный 30-лѣтній посмертный срокъ для авторскаго права *переводчиковъ*. Это постановленіе отзывается какою-то странною мелочностью. Точно законъ можетъ соразмѣрить, насколько работа сочинителя „добротнѣе“, „лучше“ работы переводчика (ровно въ 1,666... разъ!). Да и результаты-то получаются странныя: черезъ 30 лѣтъ послѣ смерти Жуковскаго можно было бы выбрать всѣ переводы и, не трогая остального, пустить ихъ по дешевой цѣнѣ!

Статья 13-ая требуетъ, для опубликованія писемъ, разрѣшенія обоихъ корреспондентовъ и, послѣ ихъ смерти, ихъ наслѣдниковъ. Намъ кажется, что было бы справедливѣе, чтобы желанія автора писемъ были обязательны и для его наслѣдниковъ—разъ эти желанія имъ категорически высказаны (какъ, напр., Гончаровымъ).

¹⁾ Испанія 80 лѣтъ; Мексика—вѣчность.

²⁾ Германія 30 лѣтъ; Чили 5 лѣтъ.

¹⁾ Италія.

Статья 15-ая содержит постановленіе безобидное и довольно полезное: „При исчисленіи сроковъ авторскаго права, годъ смерти автора, а также годъ изданія литературнаго произведенія въ счетъ не принимаются, и срокъ считается съ 1 января слѣдующаго года“. Въ виду распространившагося у насъ безмысленнаго обычая помѣчать книги, выходящія въ ноябрѣ и декабрѣ, — фальшивою датою *слѣдующаго* года, было бы полезно въ текстъ статьи вставить „годъ *дѣйствительнаго* изданія“.

Статья 18-ая дозволяетъ дѣлать перепечатки въ хрестоматіяхъ „и *другихъ сборникахъ съ учебною, научною или литературною цѣлью*“. О дозволеніи перепечатокъ въ хрестоматіяхъ можно спорить: это—вопросъ, еще не рѣшенный ни въ наукѣ, ни въ законодательствахъ. Но если за хрестоматіями слѣдуетъ еще означенное курсивомъ добавленіе, то приходится спросить: въ какихъ же сборникахъ не дозволяется пользоваться чужими трудами? ибо какой же сборникъ литературныхъ произведеній не сдѣланъ съ *литературною цѣлью*?

Статья 20-ая разрѣшаетъ цитированіе, при условіи „указанія автора и источника заимствованія“. Было бы справедливѣе сказать „первоисточникъ“ заимствованія. Въ самомъ дѣлѣ: если „Тургайскій Вѣстникъ“ перепечатаетъ статью изъ „Рус. Вѣдом.“ со ссылкой на эту газету, а „Енисейскій Вѣстникъ“ перепечатаетъ ту же статью, но взявъ ее у тургайскаго собрата, — то было бы несправедливымъ дозволить „Енисейскому Вѣстнику“ сослаться на „Тургайскій Вѣстникъ“, вмѣсто „Руск. Вѣдомостей“. А на практикѣ это часто бываетъ.

Статья 24-ая гласитъ: „Авторъ, уступившій право на одно изданіе своего сочиненія, если иное не установлено въ договорѣ, можетъ предпринять новое изданіе сочиненія послѣ того, какъ *уступленное имъ изданіе распродано*, или по истеченіи *пяти лѣтъ со времени выхода въ свѣтъ изданія*“. Первое изъ подчеркнутыхъ постановленій кажется намъ настолько очевиднымъ, что о немъ не стоитъ и упоминать въ законѣ: продано право на одно изданіе, изданіе это разошлось, ergo авторъ можетъ печатать слѣдующее. Что же касается втораго изъ подчеркнутыхъ постановленій, то оно намъ кажется совершенно несправедливымъ. Издано сочиненіе, можетъ быть громадное описаніе путешествія съ картами и рисунками—и вдругъ черезъ пять лѣтъ, когда экземпляры едва начинаютъ разбираться публикой, авторъ выпускаетъ дешевое конкурентное изданіе. Да какой же издатель согласится на это? Какой же издатель не „оговоритъ“ противнаго въ договорѣ? И тогда: къ чему эта статья-ловушка?

Согласно ст. 56-й, „снятіе копій съ художественнаго произведенія, приобрѣтеннаго въ собственность для храмовъ Божіихъ, Императорскихъ дворцовъ, музеевъ и вообще правительственныхъ и общественныхъ (!) установле-

ній, допускается, съ разрѣшенія надлежащей власти, и безъ согласія художника“. Мы боимся, что въ этой статьѣ недостаточно различены два случая, а именно: 1) ученикъ живописи копируетъ картину Айвазовскаго для цѣлей своего художественнаго образованія; и 2) Die Photographische Anstalt“, въ Берлинѣ, посылаетъ фотографа воспроизвести всѣ картины музея Александра III подъ-рядъ. Мы думаемъ, что, кромѣ „подлежащей власти“, эта Anstalt должна спросить позволенія и художниковъ: мы положительно отказываемся понять, почему существованіе права можетъ зависѣть отъ мѣста нахождения объекта. Вѣдь если даже конструировать всякую продажу въ музей, какъ отказъ отъ своего авторскаго права—можно вообразить случай, когда художникъ продаетъ свою картину частному лицу (сохраняя авт. право, ст. 54), а это послѣднее жертвуетъ ее въ музей. И тогда *третье* лицо лишитъ художника тѣхъ правъ, отъ которыхъ онъ и не думалъ отказываться. Мы думаемъ поэтому, что копировать для себя можно повсюду (ср. ст. 60, 1),—а копировать самовольно на продажу нельзя даже и въ церкви.

Въ заключеніе, мы отмѣтимъ еще статью 60-ю, гласящую: „Не считается нарушеніемъ права художественной собственности... 2) изображеніе произведеній живописи средствами ваянія и, наоборотъ, произведеній ваянія средствами живописи“. Это постановленіе врятъ дѣликомъ изъ дѣйствующаго права—причемъ авторы проекта не подумали о томъ, насколько оно устарѣло. Въ былыя времена, дѣйствительно, во всякомъ трактатѣ по авторскому праву всѣ изобразительныя искусства дѣлились на двѣ группы: искусства на плоскости, — искусства въ пространствѣ. При этомъ считалось аксіомой, что „переносъ“ художественнаго произведенія изъ одной области въ другую уничтожаетъ наличность контрафакціи. Старые учителя исходили при этомъ изъ наивнаго представленія, что на основаніи картины сдѣлать статую „трудно“, а срисовать ту же картину—много „легче“. Теорія „переноса“ такъ и уцѣлѣла до нашихъ дней, несмотря на происшедшія измѣненія въ техникѣ изобразительныхъ искусствъ и во взглядахъ на самое искусство.

На дѣлѣ же измѣнилась техника,—и нынѣ возможно механическимъ путемъ отпечатать тысячи изображеній статуи *на плоскости*. Можно изготовить клише, до котораго непосредственно не дотронется рука человѣческая,—но которое точнѣйшимъ образомъ воплотитъ пресловутый „переносъ“.—Измѣнились также и возрѣнія на отдѣльныя отрасли изобразительныхъ искусствъ и ихъ взаимно-отношеніе,—и нынѣ никто не думаетъ, чтобы изъ статуи легче было сдѣлать барельефъ, чѣмъ картину. Вѣрнѣе, теперь думаютъ, что изъ статуи совсѣмъ нельзя сдѣлать ни барельефа, ни картины: можно перевопло-

тить прежнюю идею въ другую форму,—но это потребовало бы, вѣроятно, еще болѣе сложнаго творческаго акта, чѣмъ созиданіе сызнава. Въдѣ недостаточно разрѣзать статую вдоль на половинки—и наклеить ихъ на мраморъ—для того, чтобы получить горельефъ.

Мы думаемъ, что приведенное выше постановленіе отчасти вредно, а отчасти бесполезно. Оно вредно, насколько разрѣшаетъ безнаказанно фотографировать художественныя произведенія, исполненныя въ трехъ измѣреніяхъ. Оно бесполезно, насколько оно разрѣшаетъ скульпторамъ искать сюжетовъ въ картинной галлерей: 1) потому что такихъ скульпторовъ нѣтъ и не можетъ быть, и 2) потому что если бы такіе скульпторы, въ видѣ исключенія, и явились—то они имѣли бы достаточный запретъ въ ст. 58-ой проекта, гласящей: „не считается нарушеніемъ правъ художника пользованіе чужимъ художественнымъ произведеніемъ, если создано новое произведеніе, *существенно* отличающееся отъ оригинала“.

Это есть истинный основной принципъ, а все остальное—казуистика.

Ал. Пиленко.

Поправка: Въ статью А. А. Пиленко, напечатанную въ № 17, вкралась опечатка: на стр. 864, 11-й строкѣ снизу, вмѣсто словъ: „вѣроятно, казуистичность“, слѣдуетъ читать: „вѣроятно, помѣхой явилась ея казуистичность“.

Новыя данныя изъ области криминалистики.

(Переводъ съ рукописи ¹⁾).

25. Комбинированныя фотографіи. Вспомнимъ о такъ называемыхъ „типическихъ фотографіяхъ“, которыя уже въ теченіе довольно долгаго времени вошли въ употребленіе, преимущественно въ Америкѣ.

Для типическихъ фотографій берется медленно дѣйствующій аппаратъ, который даетъ полное изображеніе въ теченіе 60 секундъ. Если требуется представить общій типъ, напр., двадцати солдатъ, то дѣйствію аппарата подвергается сначала на 3 секунды одинъ солдатъ, затѣмъ другой тоже на 3 секунды, затѣмъ третій и т. д. Конечно при фотографіи этихъ двадцати солдатъ должно строго соблюдаться условіе, чтобы поза каждаго солдата была совершенно тождественна позѣ предыдущаго, для того, чтобы мѣсто изображенія одного совпало съ мѣстомъ изображенія другого. Такимъ образомъ, черезъ 60 секундъ получимъ фотографію, на которой каждый солдатъ представить только 20-ю часть своей фізіономіи, или, другими словами, получимъ среднюю фотографію двадцати солдатъ. Точно также можно получить среднюю фотографію цѣлой школы, цѣлой семьи, народа и т. д.

¹⁾ См. Право № 16.

Какимъ образомъ эта интересная идея можетъ служить криминалистическимъ цѣлямъ? Предположимъ, что имѣемъ дѣло съ арестованнымъ, съ котораго снята карточка 10 лѣтъ тому назадъ и карточка эта имѣется на лицо. Для удостовѣренія же личности арестованнаго требуется знать, какова была его внѣшность шесть лѣтъ тому назадъ. Въ такомъ случаѣ съ арестованнаго снимается фотографія точно такихъ же размѣровъ и въ такой точно позѣ, какъ это показано на карточкѣ, снятой 10 лѣтъ тому назадъ, затѣмъ обѣ карточки, старую и новую, подвергаютъ дѣйствию фотографическаго аппарата, соблюдая при этомъ соответственные промежутки времени (въ данномъ случаѣ 10 : 6) и на основаніи этихъ двухъ фотографій получается средняя комбинаціонная карточка, которая ясно покажетъ, какой видъ имѣлъ арестованный шесть лѣтъ тому назадъ. Комбинаціонныя фотографіи нерѣдко даютъ ничѣмъ незамѣнимые результаты.

26) Фотографированіе подкладной бумаги (Unterlagenphotographie). Если существуетъ подозрѣніе, что осужденный писалъ карандашемъ что-нибудь такое, что можетъ имѣть значеніе для его дѣла, то слѣдуетъ достать ту бумагу, которая лежала подъ написаннымъ листомъ. Такъ напр., если изъ записной книги осужденнаго вырванъ листъ, то на послѣдующей страницѣ, отъ надавливанія карандашемъ, могутъ остаться слѣды написаннаго, и если страницу эту сфотографировать удачнымъ образомъ, то можно легко прочесть, что было написано на вырванномъ листѣ. Успѣхъ такой фотографіи зависитъ вполне отъ ловкости фотографа, который долженъ подвергнуть вышеупомянутый листокъ бумаги дѣйствию очень сильнаго свѣта, падающаго съ боку.

27. Производство слѣдствія внѣ городовъ. Всѣмъ извѣстно, какое важное содѣйствіе можетъ оказать судебному слѣдователю публика. Въ городѣ содѣйствіе публики пріобрѣтается путемъ умѣлаго пользованія прессою, а въ внѣ города оно можетъ быть оказано священниками, хозяевами гостиницъ и учениками школъ. Къ услугамъ духовныхъ лицъ и содержателей гостиницъ прибѣгаютъ очень часто, такъ какъ не подлежитъ сомнѣнію, что они, по своей профессіи, соприкасаются съ большимъ количествомъ людей, но къ дѣтской помощи обращаются рѣдко, а между тѣмъ дѣти могли бы оказать слѣдствію большую услугу. Само собою разумѣется, что не надо изъ нихъ дѣлать шпионовъ и предателей, но можно пріучить ихъ къ наблюдательности и готовности служить правому дѣлу. Предлагая, напр., дѣтямъ вопросы о томъ, какой видъ имѣлъ тотъ или другой человекъ, котораго они видѣли, учитель иногда можетъ по самымъ, повидимому, неважнымъ обстоятельствомъ узнать очень существенныя вещи. Онъ можетъ, напримѣръ, разспросить

учениковъ, не видѣли-ли они большого скопленія воронъ (въ томъ случаѣ, если подозрѣвается скрытіе мертвого тѣла), не замѣтили-ли они какихъ-нибудь слѣдовъ, или другихъ какихъ-нибудь знаковъ на землѣ, и дѣти окажутся самыми тонкими и словоохотливыми наблюдателями. Дѣти собираются въ школу изъ различныхъ мѣстностей, а потому, обращаясь къ нимъ съ упомянутыми вопросами, можно раскинуть по всей странѣ густую и непрерывную сѣть добросовѣстныхъ наблюдателей. Этимъ средствомъ не слѣдуетъ пренебрегать.

28. Уничтоженіе особыхъ примѣтъ. Разныя родимыя пятна, пятна, вызванныя болѣзнью печени, шрамы, рубцы и пр., находясь, въ особенности на лицѣ, или другихъ открытыхъ частяхъ тѣла, служатъ особыми примѣтами. Желая отыскать преступника, въ „Полицейскихъ Вѣдомостяхъ“ и объявленіяхъ иногда публикуются особыя примѣты преступника. Какое важное значеніе имѣютъ эти примѣты, преступникамъ извѣстно такъ же хорошо, какъ и публикѣ; поэтому свершившій преступленіе часто спѣшитъ освободиться отъ такихъ примѣтъ. Не мѣшаетъ имѣть въ виду, что въ каждомъ большомъ городѣ существуютъ лица, живущія исключительно тѣмъ, что помощью кислотъ, массажа и другими средствами они уничтожаютъ родимыя пятна, шрамы и пр. Пациентами такихъ лекарей являются, какъ люди, преслѣдующія косметическія цѣли, такъ и преступники, и помощь подается и тѣмъ, и другимъ. Въ извѣстныхъ важныхъ случаяхъ можно положительно совѣтовать обращаться къ такимъ „специалистамъ“ съ вопросомъ, не была ли ими оказана въ то или другое время помощь такому-то лицу. Подобнымъ путемъ часто узнаются интересныя и важныя вещи.

29. Значеніе геральдики. Во всей широкой области человѣческаго знанія нѣтъ ни одного маленькаго уголка, который не оказался бы полезнымъ для дѣятельности криминалиста. Хотя и рѣдкое, но, тѣмъ не менѣе, важное значеніе имѣетъ для слѣдователя геральдика, въ особенности въ тѣхъ случаяхъ, когда среди похищенныхъ, или награбленныхъ вещей, находятся такія, на которыхъ имѣется какой-нибудь гербъ. Въ каждомъ большомъ городѣ всегда найдется кто нибудь, или самъ знающій геральдику, или имѣющій геральдическій словарь, въ которомъ можно отыскать, кому принадлежитъ тотъ или другой гербъ. Такимъ образомъ, можетъ быть легко найденъ пострадавшій и слѣдствіе избѣгнетъ лишнихъ прѣволочекъ и переписки. Если въ извѣстной мѣстности нѣтъ ни одного частнаго лица, способнаго оказать содѣйствіе въ подобномъ случаѣ, то всегда можно обратиться къ геральдическимъ обществамъ, которыя никогда не откажутъ въ своей помощи. Прилагаемъ адреса такихъ обществъ:

Въ Германіи: Verein „Herold“, Berlin, Friedrich-Wilhelmstrasse, 4.

Въ Австріи: Kk. heraldische Gesellschaft „Adler“.

Во Франціи: Société héraldique et généalogique. Paris, 52, rue Defour St. Germain.

Въ Англии: The Genealogish (Walford D. Selby esq. 10 finborough Road S. W.).

Въ Италіи: Reale accademia araldica Italiana, Pisa via Fibonacci 6.

Нидерланды: Genealogisch - heraldik genatschap. „De Nederlandeche Leun“.

30. Тайная переписка заключенныхъ. Очень распространены среди заключенныхъ тайныя чернила, состоящія изъ раствора квасцовъ. Заключенный подъ видомъ мнимой болѣзни горла обращается къ доктору съ просьбой прописать ему для полосканія растворъ квасцовъ, который якобы ему всегда помогаетъ. Получивъ лекарство, арестованный пишетъ имъ письма, и получившій такое письмо легко можетъ прочесть содержаніе его, если предварительно нагрѣетъ бумагу.

31. Соглашенія между арестованными. Извѣстно множество церквей, катакомбъ, сводовъ и пр., гдѣ двое людей, находящихся въ извѣстныхъ отдаленныхъ другъ отъ друга пунктахъ, говоря тихо, могутъ слышать одинъ другого въ то время, какъ стоящіе гораздо ближе къ нимъ не слышатъ ничего. Зданія съ такъ называемыми акустическими фокусами встрѣчаются чаще, чѣмъ это думаютъ; нѣтъ почти ни одной тюрьмы, гдѣ не было бы такого акустическаго фокуса. Заключенные знаютъ о существованіи такихъ пунктовъ и пользуются обыкновенно этимъ опаснымъ средствомъ для переговоровъ. Часто бываетъ, напр., что преступникъ, стоя у извѣстнаго окна, выходящаго въ стѣну и строго соблюдая опредѣленное положеніе можетъ быть услышанъ другимъ преступникомъ, въ томъ случаѣ, если послѣдній тоже находится только въ одномъ строго опредѣленномъ мѣстѣ. На это обстоятельство тоже слѣдуетъ обратить вниманіе.

32. О конокрадствѣ. Наблюдения показали, что у конокрадовъ, преимущественно у цыганъ, существуетъ обычай воровать лошадей наканунѣ лошадиной ярмарки и недалеко отъ того мѣста, гдѣ ярмарка предполагается. Воръ рассчитываетъ на то, что потерпѣвшій не начнетъ преслѣдованія, а отправится на ярмарку къ надеждѣ найти тамъ пропавшую лошадь, которую, по его соображеніямъ, воръ приведетъ для продажи; между тѣмъ какъ, въ дѣйствительности, воръ почти всегда направляется въ противоположную сторону и въ день ярмарки бываетъ уже очень далеко.

Если имѣть въ виду все вышесказанное, то слѣдуетъ начать преслѣдованія конокрада прямо со стороны противоположной ярмаркѣ.

33. О суетвѣ рин. Относительно суетвѣ рин

можно найти такъ много интереснаго въ сочиненіи г. Левенстима (Суевѣрія и уголовное право), что мнѣ ничего не остается сказать по этому поводу. Мнѣ хотѣлось бы только указать на тотъ видъ суевѣрія, который и теперь очень распространенъ среди людей, надѣющихся найти средства вернуть себѣ потерянную молодость и красоту. Средства эти въ большинствѣ случаевъ алхимическаго и суевѣрнаго характера и почти всегда опасны.

Иногда средства эти ведутъ къ смерти, часто бываютъ случаи, что такая смерть заставляетъ подозрѣвать чье нибудь преступленіе, тогда какъ на самомъ дѣлѣ виновниками смерти оказывается или глупость жертвы, или алчность продавца опасныхъ средствъ.

Важное значеніе имѣетъ то обстоятельство, когда у обвиняемаго находятся Святые Дары. Этотъ фактъ всегда доказываетъ нѣчто дурное, — либо что имъ уже сдѣлано было преступленіе, либо что онъ собирается его сдѣлать въ суевѣрной надеждѣ, что Святые Дары помогутъ ему въ его преступныхъ замыслахъ. Многіе взломы въ церквахъ можно объяснить тѣмъ, что злоумышленники собирались съ суевѣрной цѣлью похитить Святые Дары.

Всѣмъ извѣстно, что и теперь еще существуетъ молитва о смерти, чтеніе которой оставляется всевозможной тайнственностью.

D-r. Hans Gross.

(Продолженіе слѣдуетъ).

СУДЕБНЫЕ ОТЧЕТЫ.

Приговоръ въ окончательной формѣ по дѣлу бр. Степана и Петра Скитскихъ.

Приговоръ начинается съ описаній мѣста преступленія, осмотра трупа и показаній обвиняемыхъ, данныхъ ими на судебномъ слѣдствіи, послѣ чего, переходя къ обсужденію вопроса о виновности Скитскихъ, палата говоритъ:

„Выслушавъ судебное слѣдствіе и заключительныя пренія сторонъ, особое присутствіе палаты прежде всего устраняетъ отъ своего разсмотрѣнія а) вопросы о недостаткахъ и неполнотѣ предварительнаго слѣдствія, какъ подлежащія въ настоящемъ составѣ присутствія разсмотрѣнію палаты; б) всѣ разнообразныя слухи, одновременно вторгавшіяся въ область настоящаго дѣла, какъ потому, что эти слухи по закону не составляютъ судебныхъ доказательствъ (718 ст. уст. уг. суд.), такъ и потому, что эти слухи въ теченіе довольно продолжительнаго времени со дня смерти Комарова не дали никакихъ опредѣленныхъ указаній на виновность какихъ-либо другихъ, кромѣ привлеченныхъ къ суду, лицъ. Установляя за симъ время, мѣсто и способъ совершенія преступленія, особое присутствіе палаты находится, что изъ свидѣльскаго показанія Котелевца, Вороницына, Никольскаго и другихъ оказывается, что Комаровъ вышелъ въ день происшествія, 14 іюля 1897 года, изъ консисторіи ранѣе обыкновеннаго—именно въ 2 часа 25 минутъ. Это время установлено съ положительною точностью. Принявъ во вниманіе показаніе свидѣтельницы Комаровой, удостовѣрившей, что покойный мужъ ея, по его сло-

вамъ, на путь изъ города къ себѣ на дачу употребилъ отъ 45 до 55 минутъ, а также сопоставляя показанія свидѣтелей Кошевого, Короцюпы и Ткаченко, слѣдуетъ заключить, что Комаровъ приблизился къ мостику, т. е. къ тому мѣсту, гдѣ 15 числа найденъ былъ его трупъ, отстоящему, какъ выяснено въ судебномъ засѣданіи, отъ дачи на разстояніи около 7 минутъ, въ 3 часа съ минутами, вѣроятнѣе всего около 3 часовъ 20, или 3 часовъ 30 минутъ, если имѣть въ виду, что день 14 іюля былъ жаркій съ порывистымъ вѣтромъ (показанія Комаровой, Котелевца, Поповой, Гнатевича и друг.), почему Комаровъ могъ идти нѣсколько тише обыкновеннаго. Въ этотъ день Комаровъ на свою дачу не вернулся, какъ видно изъ показаній вдовы покойнаго и проживавшей еще у ея матери, въ теченіе 28 лѣтъ, няньки Дудиной; а между тѣмъ трупъ его оказался найденнымъ въ нѣсколькихъ шагахъ въ сторонѣ отъ вышеупомянутаго мостика, причемъ эксперты не могли прійти къ выводу, чтобы онъ былъ притащенъ сюда издалека. Согласно съ симъ и на основаніи данныхъ осмотра трупа и мѣстности слѣдуетъ заключить, что трупъ тащили лишь на протяженіи очень небольшого разстоянія. Сырватая глина, усмотрѣнная на колѣняхъ брюкъ покойнаго, соотвѣтствуетъ лишь почвѣ той мѣстности и этотъ объективный признакъ лишь подтверждаетъ соображеніе, что трупъ былъ протащенъ на протяженіи тѣхъ шаговъ, которые составляли разстояніе между мостикомъ и мѣстомъ обнаруженія трупа. Судя за симъ по разбитымъ очкамъ покойнаго, найденнымъ близъ дороги у самаго мостика, а также по оставшемуся нѣсколько дальше его же изломанному зонтику, слѣдуетъ заключить, что нападеніе было сдѣлано на Комарова или на самомъ мостикѣ, или въ тотъ моментъ, когда онъ только что успѣлъ сойти съ мостика на дорогу, сдѣлано для него неожиданно, на что указываетъ и изломанный видъ зонтика, которымъ, вѣроятнѣе всего, онъ только и успѣлъ воспользоваться для обороны, не успѣвъ воспользоваться съ этой цѣлью оставшимся въ карманѣ его шпаты заряженнымъ револьверомъ.

Спрошенные палатой врачи-эксперты не могли единогласно опредѣлить способъ причиненія смерти, сходясь въ одномъ, что смерть Комарова послѣдовала отъ асфикціи. Профессоръ Паленко находилъ болѣе вѣроятнымъ задушеніе какимъ-либо мягкимъ тѣломъ; врачъ Михновъ—удавленіе веревкой; врачъ Устименко совсѣмъ не могъ опредѣлить способа, но во всякомъ случаѣ всѣ они высказались въ томъ смыслѣ, что Комаровъ лишенъ жизни насильственнымъ способомъ. Особое присутствіе палаты, съ своей стороны, наиболѣе убѣждается доводами эксперта Михнова, производившаго вскрытіе трупа и располагающаго слѣдовательно болѣе точными, чѣмъ остальные эксперты, свѣдѣніями объ обнаруженныхъ на трупѣ признакахъ, на которыхъ и должна быть построена судебно-медицинская экспертиза. Такимъ образомъ особое присутствіе палаты не можетъ не признать по дѣлу доказаннымъ, что Комаровъ лишенъ былъ жизни посредствомъ удущенія посторонними лицами, неожиданно навалившимися на него вблизи того мѣста, гдѣ на слѣдующій день найденъ былъ трупъ, а также, что преступленіе это совершено 14 іюля послѣ 3-хъ часовъ пополудни, что, кромѣ вышеизложеннаго, подтверждается и признаками трупаго разложенія, отмѣченнаго актомъ вскрытія 15 іюля, по поводу каковыхъ признаковъ эксперты высказались, что смерть послѣдовала за сутки до вскрытія.

Обращая за симъ къ обсужденію вопроса о мотивахъ, побужденіяхъ къ совершенію преступленія надъ Комаровымъ,—особое присутствіе палаты прежде всего обязывается исключить возникшія по производству дѣла предположенія.—отчасти въ видѣ намековъ,—относительно корыстныхъ дѣлей и побужденій вообще, а грабежа—въ частности...

Всѣ бывшія при покойномъ Комаровѣ вещи, представлявшія какую-либо цѣнность, оказались въ цѣлости, за исключеніемъ золотыхъ дамскихъ часовъ, которые онъ, по словамъ вдовы покойнаго, уходя изъ дому, имѣлъ при себѣ на простомъ черномъ шнуркѣ; но ненахождение только часовъ при трупѣ, по мнѣнію особаго присутствія палаты, отнюдь не можетъ служить указаніемъ, чтобы лишеніе жизни Комарова имѣло цѣлью грабежъ; даже предположеніе объ этомъ представляется менѣе правдоподобнымъ, чѣмъ предположеніе о томъ, что во время перетаскиванія трупа, подобно тому какъ это случилось съ очками покойнаго, и часы его могли сорваться со шнурка и затѣмъ быть найденными кѣмъ-либо, утаившимъ эту находку. Вообще ничто не наводитъ на мысль о грабежѣ и данныхъ, обнаруженныхъ по дѣлу, указываютъ, что мотивы убійства Комарова не имѣютъ ничего общаго съ какими бы то ни было корыстными цѣлями.

Останавливаясь засимъ на другихъ мотивахъ преступленія,—насколько о нихъ высказано было въ обвинительномъ актѣ, разъяснялось представленными по дѣлу доказательствами, развивалось сторонами во время судебного засѣданія и упоминалось въ заключительныхъ по судебному слѣдствію преніяхъ, прежде всего слѣдуетъ замѣтить, что всѣ данныя по сему предмету сводятся къ установленію такихъ отношеній между дѣйствительными, а также предполагаемыми лицами и покойнымъ Комаровымъ, въ конечномъ результатѣ которыхъ слѣдуетъ усматривать совершенное надъ нимъ преступленіе. Изъ этой области указаній и соображеній, представленныхъ сторонами, по мнѣнію особаго присутствія палаты, совершенно должны быть исключены, однако, такія, которыя не нашли себѣ подтвержденія въ фактическихъ данныхъ и тѣмъ болѣе такія, которыя, ограничиваясь намеками, не только не стоятъ въ фактической связи съ событіемъ преступленія, но и не имѣютъ съ нимъ и логической связи. Изъ категорій этихъ указаній и соображеній должны быть исключены: 1) клонящіяся къ вопросу о семейныхъ отношеніяхъ Комаровыхъ, ибо по сему предмету по дѣлу совершенно устранены какія-либо подозрѣнія неблагоприятнаго свойства (св. Дунина), а напротивъ изъ свідѣтельскаго показанія вдовы Комаровой нельзя не вывести заключенія о взаимномъ довѣріи, существовавшемъ между супругами Комаровыми и такомъ положеніи покойнаго въ своей семьѣ, какое только и можетъ быть названо нормальнымъ. Не касаясь другихъ свідѣтельскихъ показаній, рисующихъ нравственный обликъ Комарова, достаточно остановиться на показаніи въ этомъ отношеніи еп. Иллариона и св. Житецкаго, чтобы не сомнѣваться въ томъ уваженіи и расположеніи, какимъ пользовался Комаровъ въ семьѣ; 2) тѣ указанія и предположенія, которыя касались отдаленнаго прошедшаго, учебнаго періода въ жизни Комарова, а также пребыванія его еще до женитьбы за границей, ибо и въ этомъ отношеніи либо не добыто слѣдствіемъ никакихъ данныхъ, либо вопросы защиты разрѣшались отрицательно (свид. Комарова, Мальвинский); 3) разслѣдованія, касавшіяся третьихъ лицъ, имѣвшихъ дѣловыя отношенія къ консисторіи, въ которой служилъ Комаровъ (Тржецкѣ, Ливинѣ), ибо слѣдствіемъ не дано фактическаго матеріала для установленія на этой почвѣ чьей-либо вражды къ покойному, а вопросы относившіяся къ свідѣтелю Вабѣ-Чубарѣ, равно какъ и касавшіяся какихъ-то Андреева и Некрасевича, не только фактически, но и логически не связаны ни съ событіемъ, ни съ личностью Комарова и 4) указанія защиты (пр. пов. Карабчевскій) на „эмблематическое значеніе“ той формы, какую имѣла будто бы въ видѣ банта оказавшаяся на шеѣ убитаго веревка,—какъносящаго характеръ намека, притомъ недостаточно даже понятнаго. Засимъ, по мнѣнію особаго присутствія палаты, оказываются достоверными

тѣ факты, тѣ представленныя по дѣлу доказательства, которыя касаются отношеній къ покойному Комарову со стороны обвиняемаго Степана Скитскаго и устанавливаютъ враждебность чувствъ послѣдняго къ бывшему своему начальнику по службѣ.

При самомъ возникновеніи дѣла подозрѣніе въ убійствѣ Комарова пало именно на лицъ, относившихся къ нему непріязненно. Такимъ лицомъ, по свідѣтельству вдовы покойнаго, представляется подсудимый Степанъ Скитскій.

Подозрѣніе на Степана Скитскаго явилось у Комаровой еще тогда, когда она возвращалась на дачу изъ города послѣ тщетныхъ розысковъ своего мужа, т. е. 15 іюля, о чемъ она тогда же подѣлилась мыслью съ сопровождавшей ее Татьяной Будаевской, которая въ свою очередь тоже высказала это подозрѣніе.

Здѣсь слѣдуетъ характеристика порядковъ, господствовавшихъ въ Полт. дух. консисторіи до назначенія Комарова секретаремъ, и подробно разсказывается о реформахъ, произведенныхъ Комаровымъ. Эти реформы подорвали авторитетъ и значеніе Ст. Скитскаго, которымъ онъ до того пользовался въ консисторіи.

„Скитскому, занимавшему въ теченіе многихъ лѣтъ положеніе чиновника „значительнаго“, воспитанному притомъ въ традиціяхъ прежнихъ порядковъ, не легко было примириться съ иными, чѣмъ прежде, отношеніями къ себѣ новаго начальнаго, секретаря Комарова,—чиновника, которому тяжело было сознать, что благодаря именно Комарову онъ утрачиваетъ свое прежнее авторитетное положеніе въ консисторіи, что, въ качествѣ подчиненнаго, онъ безсиленъ въ открытой борьбѣ съ начальникомъ, и что зависимость отъ послѣдняго безвозвратно низводитъ его съ прежняго положенія на положеніе зауряднаго, мелкаго въ служебной іерархіи чиновника. Таковы, по мнѣнію особаго присутствія палаты, тѣ психологическіе стимулы, которые способны были развить въ Скитскомъ злобныя, мстительныя чувства и наблюденіе которыхъ на первыхъ же порахъ подсказало вдовѣ Комаровой подозрѣніе на Скитскаго, какъ на виновника въ смерти ея мужа. Если, такимъ образомъ, по обстоятельствамъ дѣла, складывается убѣжденіе о наличности у Степана Скитскаго мотивовъ для совершенія преступленія и для убѣжденія въ томъ, что мысль о его совершеніи принадлежитъ ему первому, человѣку сильною не только характеромъ, но и физически (свѣдѣтель Черновенко), то, останавливаясь на обсужденіи того же вопроса по отношенію къ другому обвиняемому, именно Петру Скитскому, особое присутствіе палаты находить, что для Степана Скитскаго онъ представлялся совершенно пригоднымъ соучастникомъ не только какъ очень близкій къ нему человѣкъ, но и какъ человѣкъ весьма низкаго нравственнаго уровня, съ характеромъ, поддающимся вліяніямъ. Будучи мелкимъ канцелярскимъ чиновникомъ въ той же Полтавской консисторіи, Петръ Скитскій, на основаніи свідѣтельскихъ показаній (Каменецкій, Гриценко, Шиленко, Головки и др.), вырисовывается преимущественно какъ товарищъ-субутильникъ, который, посвящая немного времени служебнымъ занятіямъ, значительную часть проводилъ въ пивныхъ и трактирахъ между пьянствомъ и похмѣльемъ. Имѣя отдѣльную отъ брата квартиру (Головки), онъ по цѣлымъ днямъ въ ней не бывалъ, а ночи, случалось, проводилъ у брата (Котелевецъ). Послѣдній, конечно, въ глазахъ его стоялъ не ниже, чѣмъ въ глазахъ другихъ служащихъ въ консисторіи, какъ большая умственная сила, а близость свою къ брату Петръ Скитскій проявилъ даже въ такомъ, повидимому, мелочномъ фактѣ, какъ имѣвшій вмѣсто 15 іюля: когда въ этотъ день найденъ былъ трупъ Комарова и Головки звалъ Петра Скитскаго отъ попойки къ мѣсту происшествія, то Петръ Скитскій отговорился тѣмъ, что „брата надо поискать“. Съ другой сторо-

ны и Степанъ Скитскій, давая объясненія о времяпрепровожденіи 14 іюля, хотя и въ придуманной передачѣ подробностей, остановился на мысли о томъ, что большую часть дня онъ ухаживалъ за пьянымъ братомъ. Эта—въ общемъ вѣроятная—почетливая заботливость, по мнѣнію особаго присутствія палаты, свидѣтельствуется лишь о такихъ отношеніяхъ между обвиняемыми братьями, при которыхъ сильный умомъ и характеромъ Степанъ могъ склонить брата на преступное дѣло, а упавшій нравственно Петръ могъ согласиться на него.

Переходя засимъ къ обсужденію другихъ фактическихъ данныхъ по дѣлу и имѣя въ виду тѣ изъ нихъ, которыя устанавливають находженіе обвиняемыхъ въ день совершенія преступленія именно у мѣста его совершенія, а также и тѣ, которыя, въ связи съ объясненіями обвиняемыхъ, даютъ разъясненія о дѣйствительномъ времяпрепровожденіи ими въ день 14 іюля, особое присутствіе палаты признаетъ необходимымъ остановиться на описаніи мѣстности, которое по обстоятельству дѣла имѣетъ для сего значеніе. Въ этомъ отношеніи, кромѣ свидѣтельскихъ показаній, особое присутствіе располагало представленными къ дѣлу со стороны обвинения наброскомъ плана, а также выкопировкой плана части города Полтавы и прилегающей мѣстности съ представленною со стороны защиты выкопировкою также части города Полтавы. Только одинъ изъ числа свидѣтелей, которымъ предъявлены были тѣ планы, свидѣтель именно со стороны обвиняемыхъ, домовладѣлецъ Лазаревъ, обозрѣвая планъ, представленный обвинительною властью, нашелъ, что границы его, свидѣтеля, земли, расположенной на окраинѣ города, обозначены не вполнѣ точно, и что рѣка Ворскла находится на самомъ дѣлѣ ближе къ Крестовскому монастырю, чѣмъ это изображено на планѣ.

Однако свидѣтель, составлявшій эти планы полтавскій губернской землемѣръ Соловьевъ, объяснилъ, что они были составлены имъ частью съ натуръ, частью выкопированы съ другихъ плановъ, но что въ нихъ масштаб вездѣ выдержанъ вѣрно. По планамъ этимъ представляется возможнымъ прослѣдить мѣстность, въ которой расположена консисторія, прилегающія къ ней въ городѣ мѣстности, путь отъ консисторіи къ выходу изъ города, улицы Колонійскую и Фабрикантскую, расположенныя именно къ выходу, усадьбу свидѣтеля Лазарева со склономъ отъ нея и засимъ подъемомъ къ монастырю, самый монастырь на горѣ и прилегающія къ нему лѣсъ и мѣстность по ту сторону монастыря, прилегающую къ рѣкѣ Ворсклѣ съ Кривохатками включительно, а также сосѣднюю съ усадьбой Лазарева мѣстность, склонъ отъ нея къ проѣзжей дорогѣ на дачу Склифасовскаго (дорога идетъ подъ монастырской горой) и самую дорогу, которая, пролегая мимо кирпичныхъ сараевъ (свид. Кошевой и Коцюра), далѣе раздѣляется такъ, что направо пойдетъ путь къ селу Яковцы, а значительно поворачивая влѣво — на дачу Склифасовскаго и далѣе деревню Терновщину. Отъ пункта раздѣленія дороги, въ разстояніи 242 сажени, именно на вѣтви, идущей къ дачѣ, и расположенъ тотъ мостикъ, близъ котораго найденъ трупъ Комарова.

Изъ объясненій Степана Скитскаго видно, что 14 іюля 1897 года, выйдя изъ города Полтавы, онъ повелъ своего пьянаго брата Петра къ рѣкѣ Ворсклѣ, гдѣ прикладывалъ ему компрессы, причѣмъ послѣдній выпался; затѣмъ они купались, ловили раковъ, катались на лодкѣ и вернулись домой поздно ночью. Путь изъ города, съ Колонійской улицы, какъ показали это на планѣ обвиняемый, — они сдѣлали по спуску усадьбы Лазарева, поднялись по монастырской горѣ (оставивъ слѣдовательно отъ себя въ лѣвую сторону дорогу на Яковцы) и вновь спустились къ рѣкѣ. Независимо отъ объясненія свидѣтеля Червоненко, что спускъ и затѣмъ подъемъ

на Монастырскую гору, особенно для пьянаго, весьма затруднителенъ,—вышеупомянутый свидѣтель Ткаченко, находившійся со своимъ стадомъ, 14 іюля 1897 года, на клинушкѣ земли Склифасовскаго, недалеко отъ поворота на Яковцы, видѣлъ, приблизительно черезъ часъ послѣ того, какъ прошелъ Комаровъ,—когда звонили къ вечернѣ,—какъ изъ лѣсу, въ разстояніи отъ него съ „гонъ“, вышли двое людей; лицъ ихъ овъ не примѣтилъ, такъ какъ головы ихъ какъ бы обмотаны были чѣмъ то бѣлымъ, платками или полотенцами, а одѣты они были такъ: одинъ въ сѣромъ, а другой въ темномъ платьѣ. Замятивъ его, свидѣтеля Ткаченко, люди эти, направлявшіяся къ монастырскому лѣсу, свернули въ балку. Ткаченко ранѣе этого не зналъ Скитскихъ, но послѣ предъявленія ихъ ему слѣдователемъ, по костюму и росту, призналъ ихъ похожими на тѣхъ людей. Свидѣтель оставался съ своимъ стадомъ въ томъ же мѣстѣ до вечера, но никого болѣе проходившимъ не видѣлъ.

Изъ прочитаннаго на судѣ показанія свидѣтеля Митрофана Кононенко видно, что 14 іюля 1897 года, искупавшійся въ Ворсклѣ у островка, что за Кривохатками, онъ возвращался съ купанья около 7½ часовъ вечера, при этомъ увидалъ Скитскихъ, прошедшихъ шагахъ въ 20 впереди его, какъ бы по направленію отъ монастырскаго лѣса: старшій изъ Скитскихъ, Степанъ, былъ одѣтъ въ китель съ металлическими пуговицами и въ черной форменной фуражкѣ, а младшій—въ одеждѣ темнаго цвѣта и темной шляпѣ. Къ этому свидѣтель добавилъ, что если бы Скитскіе шли съ купанья по направленію къ водокачкѣ, то имъ бы слѣдовало не такъ идти, какъ онъ видѣлъ.

При сопоставленіи этихъ двухъ показаній—Ткаченко и Кононенко, уже получается основаніе заключить, что люди, которыхъ видѣлъ Ткаченко, шедшими отъ мѣста преступленія, были именно обвиняемые Скитскіе, пробывшіе болѣе или менѣе продолжительное время въ монастырскомъ лѣсу, до тѣхъ поръ, когда свидѣтель Кононенко замѣтилъ ихъ идущими именно отъ монастырскаго лѣса.

Такое заключеніе находить себѣ еще болѣе подтвержденіе при оцѣнкѣ показанія свидѣтельницы Мелани Бородаевой и ея сосѣдки Маріи Ващенко.

Изъ этихъ свидѣтельскихъ показаній, а также объясненій свидѣтеля Паренко, слѣдуетъ прежде всего установить, что домъ Бородаевой расположенъ въ предмѣстьи, недалеко отъ Сѣнной и влѣво отъ Фабрикантской, въ такомъ пунктѣ на склонѣ оврага, отъ котораго по прямому направленію, мимо еврейскаго кладбища, можно пройти къ дачѣ Склифасовскаго, и съ котораго противоположная сторона видна—по выраженію Паренки—какъ „на ладони“, а по удостовѣренію свидѣтельницъ въ ясный день можно видѣть, какъ пробѣжитъ собака.

Свидѣтельница Бородаева именно показала, что между 12 и 15 числами іюля 1897 года, поджидая своего брата, состоящаго чиновникомъ губернскаго правленія, она вышла на площадку своего дома и обратила вниманіе на двухъ мужчинъ, бѣжавшихъ по полянѣ по направленію къ деревнѣ Яковцамъ, какъ будто къ тому мѣсту, гдѣ потомъ былъ убитъ Комаровъ. Желая убѣдиться, есть-ли въ числѣ мужчинъ ея братъ, она стала смотрѣть въ принесенный ей Ващенкою бинокль и разглядѣла, что одинъ изъ мужчинъ былъ одѣтъ въ парусиновомъ кителѣ, причѣмъ металлическія пуговицы блестяли на солнцѣ, а другой былъ въ темномъ платьѣ. Это было въ 2 съ половиною часа пополудни, что она хорошо помнитъ, такъ какъ Ващенкова именно справлялась у нея о времени. Люди, которыхъ она наблюдала, вскорѣ скрылись изъ ея глазъ.

Разъясняя точнѣе день, въ который это было, Бородаева пояснила, что это было не въ субботу и не въ воскресенье (12 и 13), потому что въ субботу она вернулась изъ Кіева, въ воскресенье же не мо-

гла ждаты брата, так какъ онъ не былъ на службѣ, а былъ на охотѣ, и не 15-го, а было это въ тотъ день, когда ей пришлось быть свидѣтельницей того, что корпусный экономъ дѣлалъ на базарѣ покупки для находившихся въ лагеряхъ кадетъ по случаю корпуснаго праздника дня св. Владимира. Такимъ образомъ она заключаетъ, что это было въ понедельник 14 июля, тѣмъ болѣе, что удивившись, что въ числѣ торопившихся мужчинъ нѣтъ ея брата, она предположила, что это именно кто либо изъ служащихъ въ корпусѣ спѣшить въ лагерь.

Показаніе Бородаевой, въ частяхъ, ея касающихся, подтвердила сосѣдка ея и свидѣтельница Марія Ващенко: въ тотъ день, выйдя изъ своего дома, она спросила сосѣдку Бородаеву, который часъ. Бородаева отвѣтила: половина третьяго, затѣмъ она стала смотрѣть въ бинокль на поляну; сперва сказала: „это не братъ“, а потомъ прибавила: „посмотри, какъ быстро идутъ — побѣжали“. — Ващенко въ свою очередь посмотрѣла на поляну и тогда увидела упомянутыхъ выше двухъ людей—одного въ сѣромъ, другого въ черномъ платьѣ, при этомъ высказалась, что они бѣгутъ какъ сумасшедшіе.

Въ опроверженіе показанія Бородаевой и Ващенко имѣется показаніе вызванной защитой свидѣтельницы Матрены Поповой, содержательницы пивной лавочки. Свидѣтельница эта, на первый же предложенный ей вопросъ, непосредственно и категорически показала, что во вторникъ 14 июля 1897 года, около 3 часовъ дня, она, отлучившись изъ своей лавочки и направляясь изъ дому, куда заходила за зонтикомъ (изъ подъ Монастырской улицы) въ городъ, встрѣтила обоихъ братьевъ Скитскихъ, Степана и Петра, которыхъ хорошо знаетъ; они спускались по Лазарской горѣ, при чемъ одинъ братъ вель другого—пьянаго подъ руку; объ этомъ она, Попова, тогда же рассказала, по возвращеніи въ пивную, замѣнявшей ее тамъ во время ея отсутствія, швеѣ Ксеніи Хмаровой. Последня свидѣтельница ссылку на нее подтвердила.

Не подвергая эти свидѣтельскія показанія сомнѣнію относительно умысленной ихъ неправдивости, особое присутствіе палаты не можетъ, однако, отнестись къ нимъ съ тѣмъ довѣріемъ, которое только и могло бы поколебать значеніе противорѣчащихъ имъ показаній. Прежде всего, категорическое и совершенно точное указаніе свидѣтельницей Поповой (годъ, мѣсяцъ, число, день) на такое обстоятельство, которое для нея лично представлялось безразличнымъ, притомъ впервые спустя 1 годъ и 8 мѣсяцевъ послѣ него, само по себѣ внушаетъ сомнѣнія въ безошибочности указанія; эти сомнѣнія становятся, по мнѣнію особаго присутствія палаты, совершенно опредѣленными, если принять во вниманіе, что та-же свидѣтельница на вопросъ, какъ были одѣты Скитскіе, не сумѣла дать отвѣта, заявивъ, что этого не замѣтила.

Такимъ образомъ, по мнѣнію особаго присутствія палаты, представляется по дѣлу доказаннымъ, что въ 3-мъ часу дня 14 июля 1897 года, т. е. когда еще покойный Комаровъ не могъ дойти до мостика, обвиняемыхъ Скитскихъ видѣли поспѣвающихъ къ тому же мѣсту (Бородаева и Ващенко), что около времени вечерень, когда, какъ видно изъ вышеизложеннаго, преступленіе уже совершилось, свидѣтель пастухъ Ткаченко видѣлъ людей одинаковыхъ, по одеждѣ, примѣтъ съ тѣми, о которыхъ свидѣтельствуютъ Бородаева и Ващенко, удаляющимися по направленію отъ мѣста преступленія къ лѣсу, изъ котораго можно пройти въ лѣсъ монастырскій, и что въ тотъ же день въ 8-мъ часу вечера свидѣтель Кононенко видѣлъ именно Скитскихъ, направляющихся отъ монастырскаго лѣса, причемъ они были въ такихъ костюмахъ, на которые указываютъ и вышеназванные свидѣтели.

Показаніе Бородаевой значительно упрощаетъ

разборъ и опѣнку показаній тѣхъ лицъ, которые видѣли обвиняемыхъ Скитскихъ въ городѣ Полтавѣ около 2-хъ часовъ и ранѣе.

Последній домъ, у котораго видѣли Скитскаго въ городѣ, былъ домъ Мартыновой, отстоящій, какъ это видно по плану, уже въ недалекомъ разстояніи отъ выхода изъ города. Въ этотъ именно домъ Степанъ Скитскій заходилъ, спрашивая нѣкоего Конопатова.

По показанію домохозяйки Мартыновой и ея прислуги Игумновой это было около 2-хъ часовъ дня, можетъ быть въ самомъ началѣ 3-го: свидѣтельница обыкновенно обѣдаетъ въ 2 часа, а въ тотъ разъ, когда прислуга доложила ей, что какой-то господинъ спрашивалъ Конопатова, ей подавали второе блюдо обѣда. Показаніе свидѣтельницы Бородаевой относительно времени совершенно связывается съ свидѣтельствомъ Мартыновой и изъ сопоставленія этихъ показаній,—имѣя въ виду, что и обвиняемый Степанъ Скитскій подтверждаетъ, что по выходѣ изъ города онъ заходилъ въ домъ Мартыновой,—слѣдуетъ, что Скитскіе уже спѣшили къ мѣсту преступленія въ то время, какъ покойный Комаровъ едва-ли еще выходилъ изъ консисторіи (половина 3-го часа), при чемъ въ распоряженіи обвиняемыхъ былъ и болѣе короткий путь, именно на то разстояніе, какое Комарову приходилось пройти еще до выхода изъ города; кромѣ того и во выходѣ изъ города, вопреки объясненія Степана Скитскаго, они слѣдовали болѣе краткой дорогой, чѣмъ какую обычно ходилъ Комаровъ (Котелевецъ). Посему особое присутствіе полагаетъ, что обвиняемые располагали достаточнымъ временемъ для того, чтобы прибыть къ мѣсту своей засады заблаговременно.

Въ виду изложенныхъ соображеній, по мнѣнію особаго присутствія палаты, не представляютъ имѣющаго для дѣла значенія всѣ тѣ свидѣтельскія показанія (Мочуговскій, Дараганъ, Врваренко, Ганфъ, Квитковскій, Воробьевскій, Топчій, священникъ Навроцкій и друг.), которые касаются времени пребыванія Скитскихъ до выхода изъ города, именно послѣ дома Мартыновой. Изъ этихъ показаній особое присутствіе палаты находитъ имѣющимъ значеніе указаніе священникомъ Навроцкимъ на то обстоятельство, что когда онъ видѣлъ 14 июля Степана Скитскаго спѣшащимъ по Александровской улицѣ, то при немъ былъ „кошелокъ“, т. е. предметъ, въ который могутъ быть уложены другіе предметы.

Обращаясь къ обсужденію и опѣнкѣ другихъ, имѣющихся по дѣлу косвенныхъ уликъ, особое присутствіе палаты не можетъ не признать, что, въ общей своей совокупности, они представляютъ серьезное значеніе для обвиненія, указывая именно на Скитскихъ, какъ на участниковъ преступленія. Къ таковымъ уликамъ принадлежатъ найденные на мѣстѣ засады 2 куса колбасы, корки отъ хлѣба и мѣшочекъ для сыпучихъ тѣлъ изъ лавки Воронеля. Хотя ко дню засѣданія предметы эти измѣнили свой первоначальный видъ, но изъ показаній полицейскихъ приставовъ города Полтавы Царенко и Семенова усматривается, что при производствѣ ими розысковъ тотчасъ по обнаруженіи преступленія, служащіе въ колбасномъ заведеніи Лангера—Матвѣевъ и Коцюра положительно признали два куса колбасы за издѣліе ихъ магазина, причемъ свидѣтель Коцюра утверждалъ, что такія именно колбасы, куски отъ которыхъ ему предъявлены, были проданы имъ 13 или 14 июля подсудимому Степану Скитскому.

Хотя въ судебномъ засѣданіи Коцюра первоначальное показаніе свое измѣнилъ, но изъ прочитанныхъ, въ виду разнорѣчія, показаній его, данныхъ на предварительномъ слѣдствіи, видно, что даже въ присутствіи обвиняемаго, какъ бы уличая его, Коцюра утверждалъ покупку этихъ колбасъ въ ихъ магазинѣ.

Свидѣтель Воронель на первыхъ же порахъ при-

знать корки хлѣба похожими на тѣ, какія имѣлись у такъ называемаго еврейскаго хлѣба, разновременнo и постоянно покупавшагося у него между прочимъ и подсудимымъ Степаномъ Скитскимъ изъ лавочки, находящейся противъ зданія консисторіи.

Что касается бумажнаго мѣшечка, носящаго на себѣ особую примѣту—штемпель акцизнаго управления, ибо мѣшечки эти склеены были изъ такой именно бумаги, то тотъ же Воронель призналъ его своимъ, удостовѣривъ, что въ такихъ мѣшечкахъ отпускался имъ сыпучій товаръ разнымъ покупателямъ, въ томъ числѣ и Скитскому.

Обсуждая обстоятельства нахождения на мѣстѣ преступления стараго картуза, принадлежность котораго до этого времени — сначала Кондратко, а потомъ Клименкъ — установлена съ совершенною ясностью и достовѣрностью, особое присутствіе палаты останавливается лишь на томъ обстоятельствѣ, что картузъ этотъ, по объясненію сторожа Клименко, въ 1897 году валялся, какъ старый, въ комнатѣ сторожей при консисторіи, куда, какъ бы въ курительную, имѣли свободный доступъ все консисторскіе чиновники, а въ ихъ числѣ и Скитскіе, и что картузъ этотъ нѣкоторое время послѣ полученія его отъ Кондратко онъ замѣчалъ висѣщимъ на гвоздѣ, а потомъ онъ исчезъ. Такимъ образомъ картузъ этотъ свободно могъ быть взятъ Скитскими, у которыхъ, при предварительной обдуманности преступления, легко, быть можетъ, входило въ планы, отвращая подозрѣніе отъ себя, направить его на другихъ. Въ подкрѣпленіе такого предположенія служить свидѣтельство полиціймейстера Иванова о томъ, что картузъ носилъ на себѣ слѣды сигбовъ, какъ бы онъ, будучи сложенъ вчетверо, былъ принесенъ на мѣсто преступления и здѣсь брошенъ, а также свидѣтельство священника Навроцкаго о томъ, что при Степанѣ Скитскомъ 14 іюля былъ „кошелокъ“.

Нельзя, наконецъ, обойти молчаніемъ факта сличенія веревочекъ, отобранныхъ чинами полиціи изъ разныхъ помѣщеній консисторіи, съ тою, которая оказалась на трупѣ покойнаго Комарова. Этому сличенію особое присутствіе не придаетъ рѣшающаго значенія какъ потому, что заключеніе экспертовъ-торговцевъ веревочнымъ товаромъ не достаточно убѣдительно при видимомъ сходствѣ сличавшихся предметовъ, такъ и потому, что такой предметъ, какъ тонкая веревка, въ изобиліи находившійся въ консисторіи, въ изобиліи же могъ быть полученъ и изъ другого источника.

Кромѣ вышеприведенныхъ соображеній о личности Петра Скитскаго и объ отношеніяхъ его къ брату Степану,—къ убѣжденію объ участіи его въ совместно задуманномъ преступленіи особое присутствіе палаты приходитъ въ виду показанія свидѣтеля Кононенко, который видѣлъ обоихъ Скитскихъ шедшими вмѣстѣ, а также въ виду объясненія самого Степана Скитскаго о томъ, что 14 іюля часовъ съ 2—3 дня до самаго поздняго вечера онъ не разставался съ своимъ братомъ. При этомъ слѣдуетъ имѣть также въ виду, что объясненіе подсудимаго Петра Скитскаго о томъ, что онъ былъ такъ пьянъ, что ничего не помнитъ послѣ того, какъ, выпивъ водку въ Александровскомъ саду, уснулъ и до того времени какъ проснулся на берегу рѣки Ворсклы,—не заслуживаетъ никакого довѣрія. Никто изъ свидѣтелей, даже свидѣтельница Попова, о такой степени опьяненія Петра Скитскаго не удостовѣряетъ, да оно и не согласуется съ объясненіями Степана Скитскаго о пройденномъ имъ вмѣстѣ съ братомъ пути изъ города на рѣку.

Въ приведенномъ объясненіи Петра Скитскаго, по мнѣнію особаго присутствія палаты, заслуживаетъ вниманія, въ смыслѣ уличающемъ Скитскихъ, то обстоятельство, что имъ куплена была бутылка водки, каковая, съ частью недопитой жидкости, оказалась также на мѣстѣ.

Въ ряду обстоятельствъ, уличающихъ Скитскихъ въ совершеніи преступленія надъ Комаровымъ, по мнѣнію особаго присутствія палаты, такое же значеніе представляютъ обстоятельства, рисующія ихъ образъ дѣйствій въ дни, слѣдующіе за убійствомъ, т. е. 15 и 16 іюля. Утромъ 15 іюля Степанъ Скитскій пробылъ въ консисторіи необычно короткое время, потомъ былъ у редактора епархіальныхъ вѣдомостей Ковалевскаго, гдѣ пробылъ около часу и, уплативъ 4 руб. 50 коп., былъ у рѣзчика Ганфа, затѣмъ во время вечерни, въ монастырѣ, гдѣ раздавалъ медали іеромонахамъ Смарагду, Вонифатію и др., и здѣсь, узнавъ отъ прибывшаго въ монастырь іеромонаха Молчанова объ убійствѣ Комарова, перекрестился передъ образомъ, высказавъ: „Боже мой, что только нынче дѣлается“. Молчановъ тогда же сказалъ Степану Скитскому, что его ищутъ въ консисторіи, а іеромонахъ Вонифатій предложилъ ему для скорѣйшаго проѣзда въ консисторію запряженную уже лошадь, но Степанъ Скитскій сказалъ, что поидеть пѣшкомъ, и дѣйствительно ушелъ, но не въ консисторію, а къ сидѣльщѣ казенной винной лавки Матильдѣ Николаевой, у которой провелъ около часу, по видимому безъ какой-либо опредѣленной цѣли, и только уходя отъ нея купилъ бутылку водки. Изъ показанія Николаевой видно, что, увидавъ Скитскаго, она спросила, что случилось у васъ, на что Степанъ Скитскій отвѣтилъ у меня ничего, а на вопросъ: не у васъ, а въ консисторіи; секретаря, говорить, убили,—сказалъ: „А развѣ правда это? Я слышалъ объ этомъ въ монастырѣ, но не вѣрю“. Потомъ Степанъ Скитскій заговорилъ съ Николаевой, что онъ хочетъ заказать ей мужу электрическую зажигательную машинку.

Поздно вечеромъ того же 15 іюля Степанъ Скитскій прибылъ въ консисторію и, какъ показалъ свидѣтель Лекторскій, со словъ дежурнаго чиновника Навроцкаго, спросилъ послѣдняго: „не сердятся-ли на меня члены?“ Навроцкій отвѣтилъ: „конечно“. Тогда Степанъ Скитскій приказалъ дежурному сторожу Шипитко принести въ его квартиру воды (Скитскій былъ на квартирѣ одинъ, такъ какъ семья его была въ отъѣздѣ). Навроцкій приказалъ сторожу Шипитко скорѣе вернуться, но Шипитко долго не возвращался. Тогда Навроцкій подошелъ къ дверямъ квартиры Степана Скитскаго, сталъ стучать въ запертую дверь и узналъ отъ вышедшаго на стукъ Шипитко, что съ Степаномъ Скитскимъ что-то случилось такое, что Шипитко отличалъ или отпаивалъ его водой; означенный Шипитко на судѣ этого не подтвердилъ, но въ то же время нѣтъ достаточнаго основанія не довѣрять разсказу Навроцкаго, переданному на судѣ Лекторскимъ.

16 іюля утромъ (въ день похоронъ Комарова), по показанію протоіерея Мазанова, Степанъ Скитскій пришелъ въ консисторію блѣдный и у него дрожали руки. Свидѣтель, между прочимъ, просилъ его не отлучаться изъ консисторіи, но вернувшись съ похоронъ онъ его уже не засталъ и Степанъ Скитскій, несмотря на поиски полиціи, до вечера нигдѣ не былъ найденъ“.

Что касается Петра Скитскаго, то поведеніе его, какъ на это отчасти указано выше, въ дни 15 и 16, обращаетъ на себя вниманіе въ томъ отношеніи, что, обычно предаваясь пьянству въ разныхъ мѣстахъ, онъ не только не проявилъ никакого участія къ огласившемуся уже событію убійства Комарова, но видимо уклонялся отъ приглашеній товарищей отправиться на мѣсто происшествія, а позднѣе — на похороны убитаго.

Признавъ по этимъ соображеніямъ Степана и Петра Скитскихъ виновными въ убійствѣ Комарова, особое присутствіе, на основаніи 774 ст. уст. угол. суд., находитъ возможнымъ уменьшить предусмотрѣнное за это преступленіе наказаніе на 2 степ. и назначить таковое по 3 степ. 19 ст. улож., въ низ-

шей мѣрѣ, т. е. подсудимыхъ Степана и Петра Скитскихъ по лишеніи всѣхъ правъ состоянія, сослать въ каторжныя работы на двѣнадцать лѣтъ каждаго, съ послѣдствіями по 25 ст. улож.

По всѣмъ симъ соображеніямъ Харьковская судебная палата, съ участіемъ сословныхъ представителей, опредѣляетъ: коллежскаго асессора Степана Леонтьева Скитскаго и канцелярскаго служителя Петра Леонтьева Скитскаго, на основаніи 1450, 1451, 1 и 3 ст. 19 ст. улож. о нак. и 774 ст. уст. угол. суд., по лишеніи всѣхъ правъ состоянія, сослать въ каторжныя работы, срокомъ на двѣнадцать лѣтъ каждаго, съ послѣдствіями по 25 ст. улож. Судебныя издержки возложить на осужденныхъ поровну, со взаимной другъ за друга отвѣтственностью, а въ случаѣ несостоятельности принять на счетъ казны. Вещественныя доказательства оставить при дѣлѣ. Приговоръ по отношенію Степана Скитскаго, по вступленіи въ законную силу, представить чрезъ г. министра юстиціи на усмотрѣніе Его Императорскаго Величества.

Члены палаты А. Г. Казначеевъ и А. К. Жежеро подали особое мнѣніе о невиновности бр. Скитскихъ во взводимомъ на нихъ преступленіи; въ томъ же смыслѣ особое мнѣніе подано харьковскимъ волостнымъ старшиною Н. Я. Усомъ.

С.-Петербургскій Окружный Судъ.

(Дѣло Мержвинской).

Дочь мѣщанъ Витебской губерніи, Марія Малаяховская, въ 1880 году вышла замужъ за проживавшаго въ Двинскѣ дворянина Антона Мержвинскаго. Бракъ оказался несчастнымъ, супруги разошлись, и Мержвинская, вмѣстѣ съ дочерью Ольгою, переехала въ Петербургъ. Здѣсь она случайно на улицѣ познакомилась съ почтамтскимъ чиновникомъ Соколовымъ, вступила съ нимъ въ связь, которая затянулась, неожиданно, на продолжительное время. Соколовъ, хотя и проживалъ отдѣльно отъ Мержвинской, но помогалъ ей и далъ возможность окончить повивальныя курсы. Отъ связи съ Соколовымъ у Мержвинской родились: сыновья Дмитрій (вскорѣ умершій) и Георгій. Однако къ этому моменту Соколовъ уже значительно охладѣлъ къ своей возлюбленной и часто измѣнялъ ей съ другими женщинами. Мержвинская знала объ увлеченіяхъ своего друга, но относилась къ нимъ весьма терпимо, пока послѣднее увлеченіе нѣкоей Екатериною Мути не показало ей весьма серьезнымъ и угрожающимъ ея интересамъ, такъ какъ Соколовъ открыто заявлялъ знакомымъ, что намѣренъ жениться на Мути. Вотъ въ это-то время (дѣломъ 1895 года) Соколовъ, поселившійся на дачѣ въ Стрѣльнѣ вмѣстѣ съ Мержвинской, почувствовалъ себя вдругъ дурно и, проболѣвъ всего нѣсколько дней, умеръ. Во все время болѣзни Соколовъ страдалъ отъ рвоты, говорилъ очень мало и неохотно, едва отвѣчалъ на вопросы и временами впадалъ въ забытѣе. Докторъ Твирбутъ, посѣтившій больного два или три раза, нашелъ у него „сильную, неудержимую рвоту“, упадокъ силъ и общее ослабленіе организма. Соколовъ ничего не могъ сѣбѣ, чтобы его тотчасъ не вырвало. Приглашенный на консилиумъ врачъ Тувимъ нашелъ у больного сильную болѣзненность всей области живота; большого очень часто рвало, показанныя врачу испражнения были жидкія, очень темнаго цвѣта, наводившаго на мысль о присутствіи въ нихъ переваренной крови; пульсъ больного указывалъ на упадокъ дѣятельности сердца. Врачи терлились въ догадкахъ относительно характера болѣзни Соколова и склонны были предположить холероподобное острое воспаленіе кишечника. Во всякомъ случаѣ, случай казался имъ страннымъ, и смерть Соколова нѣсколько неожиданной, загадочной. Соколовъ, по

службѣ, получалъ весьма небольшое жалованье, но незадолго до смерти выигралъ на билетѣ, купленный въ разсрочку, 5000 рублей, изъ которыхъ, за уплатой незначительныхъ долговъ, должна была остаться сумма въ 3000—4000 рублей, а между тѣмъ, послѣ его смерти, на его имя въ сберегательной кассѣ оказалось всего 10 рублей, у Мержвинской же очутились выигранные билеты и наличныя деньги, между прочимъ, у нея оказался и тотъ билетъ, на который палъ выигрышъ.

Ко времени, почти непосредственно примыкающему къ моменту смерти Соколова, относится второй романъ Мержвинской, имѣвшій такой же роковой, трагическій исходъ. Мержвинская, въ качествѣ акушерки, была приглашена „принимать“ родившагося у супруговъ Пучевичей ребенка, дѣвочку, а затѣмъ принимала и мальчика. Вскорѣ для всѣхъ стало ясно, что между Мержвинской и хозяиномъ дома, Оскаромъ Пучевичемъ, существуютъ интимныя отношенія, которыя Мержвинская старалась афишировать, разсказывала роднымъ Пучевича и даже женѣ, Эмилиі Пучевичъ. Напротивъ Оскаръ Пучевичъ разсказывалъ всѣмъ, — что Мержвинская ему „навязалась“, и скорѣ сталъ не только равнодушенъ къ ней, но и выказывалъ признаки полнѣйшаго отвращенія.

Весною 1896 года Оскаръ Пучевичъ поселилъ свою жену и дочь у родителей Эмилиі, въ Се-строрѣцкѣ, самъ же остался жить на городской квартирѣ. По просьбѣ Эмилиі, родители ея пригласили къ себѣ на дачу и Мержвинскую съ ея двумя дѣтьми. Матери своей Эмилиі мотивировала приглашеніе Мержвинской тѣмъ, что мужъ задолжалъ ей и что расходъ по содержанию Мержвинской и ея дѣтей будетъ зачтенъ въ погашеніе этого долга.

Въ концѣ мая заболѣваетъ младшая дочь стариковъ Пучевичей (сестра Эмилиі) Екатерина. Еще утромъ Екатерина была на прогулкѣ съ нѣкоторыми подругами и знакомыми. Почувствовавъ головокруженіе, она захотѣла освѣжиться содовой водой. Мержвинская вызвалась сама приготовить ей шипучку. Какъ только Екатерина вышла приготовить для нея Мержвинскою шипучку, у нея открылась сильная рвота и поносъ. Первую помощь Екатеринбургъ оказалъ мѣстный земскій врачъ Анна Серебренникова и докторъ медицины Омелянскій. Послѣдній нашелъ большую въ очень тяжеломъ состояніи: кромѣ рѣзкаго малокровія и слабой дѣятельности сердца, при боляхъ въ животѣ, докторъ не нашелъ въ то же время объективныхъ данныхъ, которыми можно было бы объяснить состояніе больной. Послѣ перваго посѣщенія у г. Омелянскаго осталось „впечатлѣніе загадочности“. При второмъ посѣщеніи, Омелянскій нашелъ у больной налеты на зѣвѣ, поразившіе его неожиданностью своего появленія. Кѣмъ-то изъ окружающихъ было высказано предположеніе о дифтеритѣ. Хотя ни температура больной, ни общее ея состояніе, ни самый видъ пленокъ не соответствовали такому предположенію, тѣмъ не менѣе, въ виду сомнительности характера пленокъ, Омелянскій посоветовалъ роднымъ принять извѣстныя мѣры предосторожности. Эмилию Пучевичъ съ ребенкомъ мужъ отвезъ на городскую квартиру. Между тѣмъ, промучившись 9 дней, Екатерина Пучевичъ скончалась 2 іюня 1896 года.

Послѣ смерти сестры, Эмилиі съ мужемъ проживала на городской квартирѣ, была здорова и ни на что не жаловалась. 30 іюня она уѣхала къ родителямъ на дачу. До 3 іюля Оскаръ Пучевичъ не имѣлъ никакихъ извѣстій отъ жены, какъ вдругъ 3 іюля онъ получилъ встревожившее его письмо слѣдующаго содержанія: „Я съ поведѣльника 1-го іюля больна. Докторъ Файнбергъ былъ три раза... Докторъ говоритъ, что ничего опаснаго нѣтъ, но я очень слаба... Это то же, что было у Каги“ Оскаръ Пучевичъ въ тотъ же день отправился на дачу и узналъ отъ жены, что она сама не понимаетъ при-

чины своей болѣзни, что она никакихъ сырыхъ фруктовъ или овощей не ѣла и что первый припадокъ болѣзни, выразившійся въ сильной рвотѣ и появленіи большой слабости, случился съ ней 1-го іюля, послѣ того, какъ она поѣла конфетъ, которыми ее угостила Мержвинская. Врачъ нашелъ у больной сильную рвоту и поносъ, причемъ тошнота у нея была „почти постоянная“, особенно послѣ приѣмовъ пищи.

Поносъ удалось остановить, но рвота не поддавалась леченію, причемъ врача удивляло несоотвѣтствие между температурой и пульсомъ; тогда какъ первая была близка къ нормѣ, второй былъ сильно ускоренный, твердый. Больная была въ удрученномъ состояніи и все твердила, что умретъ. Въ продолженіе нѣсколькихъ дней то наступало улучшение, то снова начинался поносъ и рвота усиливалась. Дня за два до смерти больная стала жаловаться на боль въ горлѣ и, по осмотру, врачъ нашелъ въ горлѣ небольшую красноту и бѣловатые налеты, которые однако ничего общаго съ дифтеритными не имѣли, а носили совершенно особый характеръ и послѣ смазыванія безслѣдно пропали. 8 іюля 1896 г. Эмилія скончалась, вслѣдствіе оставшихъ дѣйствій сердца, вызванной общей слабостью. Оскаръ Пучевичъ не засталъ уже жены въ живыхъ.

Послѣ этого Пучевичи стали остерегаться Мержвинской. Оскаръ Пучевичъ наказываетъ нянѣ строжайшимъ образомъ слѣдить за его ребенкомъ, Маргаритой, и не позволять ей принимать пищу или питье изъ рукъ Мержвинской. Поэтому, когда черезъ нѣсколько дней няня замѣтила, что Мержвинская положила Маргаритѣ въ ротъ леденцы, выхватила леденцы изо рта дѣвочки, а засимъ сама взяла ихъ въ ротъ. Послѣ этого и у няни, и у ребенка появилась сильная рвота. Ихъ доставили въ больницу, гдѣ онѣ пролежали три дня и выздоровѣли.

Послѣ этого проществія Пучевичъ подалъ заявленіе прокурору С.-Петербургскаго окружнаго суда, обвиняя Мержвинскую въ отравленіи его дочери. Начавшееся по этой жалобѣ предварительное слѣдствіе коснулось и загадочной смерти Соколова. По судебно-медицинскомъ вскрытіи труповъ Соколова и сестеръ Пучевичей, во внутренностяхъ ихъ обнаружено присутствіе мышьяка и ртути. Допрошенные на предварительномъ слѣдствіи, въ качествѣ экспертовъ, ученый секретарь медицинскаго совѣта министерства внутреннихъ дѣлъ фортъ-Андрей, членъ того же совѣта академикъ Ивановскій, докторъ медицины Косоротовъ и судебный врачъ Горскій, дали заключеніе, что смерть Соколова и сестеръ Пучевичъ послѣдовала отъ отравленія мышьякомъ, который найденъ въ трупѣ въ количествѣ, вполне достаточномъ для причиненія смерти, и, наконецъ, что болѣзненные явленія, наблюдавшіяся у малолѣтней Маргариты Пучевичъ и няньки ея, Авдотьи Андреевой, соотвѣтствуютъ симптомамъ отравленія мышьякомъ.

Привлеченная къ слѣдствію въ качествѣ обвиняемой въ отравленіи Соколова и сестеръ Пучевичъ и въ покушеніи на отравленіе ребенка и няни Авдотьи Андреевой, Мержвинская не признала себя виновною въ этихъ преступленіяхъ.

Одновременно съ этимъ къ Мержвинской предъявляется еще другое обвиненіе. Какъ уже было упомянуто, отъ связи съ Соколовымъ у Мержвинской родились два сына, изъ которыхъ одинъ вскорѣ умеръ, а другой, по ея словамъ, отданъ ею на воспитаніе какой-то чухонкѣ въ Красномъ Селѣ. Слишкомъ черезъ годъ послѣ того, въ 1891 году, Мержвинская заявила, что отправляется за своимъ ребенкомъ, и дѣйствительно, привезла съ собою двухлѣтняго мальчика, который и считался въ теченіе 6 лѣтъ сыномъ ея и Соколова. Когда Мержвинская была арестована, мальчикъ остался. Случилось такъ что Павлова пошла однажды съ мальчикомъ къ знакомой Мержвинской, Ядвигѣ Бенцевичъ, жившей

у мѣщанки Итоны Рачковской. Увидѣвъ Георгія, — такъ звали мальчика, Рачковская была поражена его сходствомъ съ портретомъ сына своей знакомой Иты Цыпиной, похищенной неизвѣстной женщиной и безуспѣшно разыскивавшегося матерью. Рачковская дала знать объ этомъ Цыпиной, та посмотрѣвъ на Георгія, сразу признала въ немъ своего пропавшаго мальчика и заявила объ этомъ полиціи и прокурорскому надзору.

На предварительномъ слѣдствіи Цыпина объяснила, что Мержвинская познакомилась съ ней случайно въ Юсуповомъ саду, гдѣ она сидѣла съ своимъ двухлѣтнимъ сыномъ, Ворухомъ. — Она назвала себя Екатериною Ивановой, — была у нея раза два на дому, ласкала ея дѣтей — мальчика Боруха и дѣвочку Фейгу (11 лѣтъ) и разъ попросила отпустить ихъ съ ней въ Екатерининскій скверъ. Такъ какъ неизвѣстная дама ввухала ей довѣріе и, казалось, очень полюбила ея дѣтей, Цыпина не нашла возможнымъ отказать ей въ ея просьбѣ. Дѣти были отпущены, но домой вернулась лишь дѣвочка, вся въ слезахъ, и рассказала, что дама, придя въ скверъ, послала ее за конфетами въ кондитерскую Исакова, и когда она вернулась, дамы съ братомъ въ саду уже не было. Несмотря на усиленные розыски Борухъ исчезъ безслѣдно. Когда Цыпиной предъявили Мержвинскую, она сразу признала въ ней ту женщину, съ которой она познакомилась въ Юсуповомъ саду. По осмотру судебнымъ слѣдователемъ мальчика, называемаго Мержвинскою ея сыномъ Георгіемъ, черезъ судебного врача и помощника раввина, оказалось, что ребенокъ былъ подвергнутъ обрѣзанію по обряду еврейской религіи.

Къ этимъ главнымъ обвиненіямъ присоединяется еще обвиненіе Мержвинской въ подлогѣ векселей отъ имени Оскара Пучевичъ и жены его Эмиліи, отъ имени Екатерины Мути и, наконецъ, въ составленіи ложнаго заявленія отъ имени Соколова на имя сберегательной кассы государственнаго банка о выдачѣ ей, Мержвинской, принадлежащаго Соколову вклада.

На основаніи всѣхъ этихъ данныхъ Марія Мержвинская предана суду С.-Петербургскаго окружнаго суда, съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей, по обвиненію въ отравленіи, въ покушеніи на отравленіе, въ похищеніи ребенка и въ подлогахъ.

Дѣло началось слушаніемъ 29 апрѣля. Предѣлательствуетъ предсѣдатель суда А. М. Бобріщевъ-Пушкинъ, обвиняетъ товарищъ прокурора А. А. Повалло-Швыковскій, защищаютъ прис. пов. В. Э. Леонтьевъ 2-й и пом. прис. пов. М. Е. Θεодосеевъ, интересы гражданской истицы, матери малолѣтняго Боруха Цыпина, добывающейся возстановленія правъ состоянія ея сына, представляетъ пом. прис. пов. Г. Б. Слюсбергъ. Входъ въ залъ по билетамъ и интересъ къ дѣлу такъ великъ, что публика не только переполнила залъ засѣданія, но тѣснится въ корридорѣ.

По прочтеніи обвинительнаго акта и опроса подсудимой, совершенно отрицающей свою виновность, судъ приступилъ къ допросу свидѣтелей.

Первымъ допрашивается судебный слѣдователь 13 участка, который показываетъ, что его школьный товарищъ Зоммеръ, женатый на Агнесѣ Пучевичъ, совѣтовался съ нимъ насчетъ таинственной смерти сестеръ его жены, говорилъ, что старики заподозрѣваютъ что-то неладное, и спрашивалъ, стоитъ ли начать дѣло, не будетъ ли какой отвѣтственности, если обвиненіе не подтвердится. Кажется, упоминалъ о томъ, что старики Пучевичи боятся расходовъ. Когда Зоммеръ изложилъ ему ходъ болѣзни и симптомы смерти Эмиліи и Екатерины Пучевичъ, то онъ нашелъ достаточный матеріалъ для расслѣдованія, не касаясь вопроса о виновности тѣхъ или иныхъ лицъ. Онъ даже удивился, какъ при такой загадочной обстановкѣ выдано было свидѣтельство на погребеніе сестеръ. Свидѣтель объяснилъ Зом-

меру, что заявитель отвѣчаетъ лишь за истинность фактовъ, объяснилъ также, что расходъ на возбужденіе такого дѣла также никакихъ не требуетъ, такъ какъ разслѣдованіе ведется на средства казны. Насколько онъ помнитъ, Зоммеръ высказывалъ подозрѣніе, что виновники смерти Оскаръ Пучевичъ и Мержвинская. Въ чемъ заключались улики противъ этихъ лицъ, по разсказу Зоммера, свидѣтель не помнитъ.

Свидѣтель Зоммеръ подтвердилъ свой разговоръ съ Шенфельдомъ и разсказалъ, что семья въ загадочной смерти обихъ сестеръ подозрѣвала преступленіе. Свидѣтеля не было въ Петербургѣ, когда сестры заболѣли и умерли, но, по прїѣздѣ изъ Нижняго, онъ засталъ стариковъ въ сильнѣйшемъ горѣ по поводу этихъ двухъ смертей. Кажется, что мысль объ отравленіи возникла послѣ того, какъ одна изъ жилищекъ на дачѣ подняла въ огородѣ пузырекъ съ какой-то жидкостью. Свидѣтель показывалъ пузырекъ Шенфельду и, по его совѣту, отвезъ его для изслѣдованія въ химическую лабораторію Пеля, но тамъ спросили съ него за анализъ очень дорого, — кажется, 25 рублей, и онъ взялъ пузырекъ обратно (содержимое этого пузырька было впоследствии, при возбужденіи дѣла, изслѣдовано, и оказалось, что въ немъ яда не содержится). Въ семейныхъ разговорахъ высказывалось подозрѣніе не только противъ Мержвинской и Оскара Пучевича, но еще противъ военнаго фельдшера Александра. Александровъ былъ знакомъ съ семьей Пучевичей. Оскаръ Пучевичъ говорилъ свидѣтелю, что смерть жены и свояченицы является странною и что едва-ли эти смерти были естественны.

Свидѣтель Опрошковь, непосредственный начальникъ Соколова, показываетъ, что покойный Соколовъ пользовался любовью сослуживцевъ и въ минуту нужды готовъ былъ придти къ нимъ на помощь. Жалованья Соколовъ получалъ около 60 рублей, которыхъ не хватало на скромное житье, такъ какъ покойный постоянно имѣлъ знакомства съ женщинами, и если не дѣлалъ имъ подарковъ, то бралъ имъ мѣста въ театры не по средствамъ, и т. д. Благодаря этому, онъ вѣчно нуждался и около 20-го числа каждаго мѣсяца одалживалъ у свидѣтеля нѣсколько рублей. Однажды Соколовъ приходитъ радостный въ контору и объявляетъ, что выигралъ 5,000 руб. на билетъ, купленный въ разсрочку на имя сына Георгія. Когда свидѣтель поздравилъ его съ выигрышемъ, покойный сказалъ: „Вѣдь вы знаете мои обстоятельства, не очень-то на эти деньги разгуляешься“. Что онъ подразумѣвалъ подъ этими словами, онъ не знаетъ, такъ какъ доподлинно состоянія дѣла Соколова онъ не знаетъ. Не прошло и мѣсяца послѣ выигрыша, какъ Соколовъ сталъ задумчивый, скучный и очень скоро, по старому обычаю, пришелъ къ нему за 10 рублями. Когда свидѣтель выразилъ ему удивленіе, что человѣкъ, имѣющій средства, проситъ одолжить нѣсколько рублей, онъ шуточно отвѣтилъ: „Эти деньги я положилъ на сохраненіе“. Соколовъ страдалъ желудкомъ и постоянно лечился гомеопатіей. У него была своя аптека. Въ Стрѣльнѣ свидѣтель навѣстилъ Соколова во время болѣзни. Соколовъ жилъ тогда съ Мержвинской. Свидѣтель былъ пораженъ множествомъ лекарствъ. Мержвинской было выдано изъ почтамта 120 р. на погребеніе Соколова. Свидѣтель былъ на панихидѣ и удостоверяетъ, что похороны стоили этихъ денегъ и даже болѣе. Впоследствии онъ узналъ, что Мержвинская поставила на могилѣ памятникъ. Во время похоронъ Мержвинская имѣла видъ чрезвычайно огорченной женщины.

На вопросъ защиты свидѣтель объясняетъ, что вести такой образъ жизни, какой велъ Соколовъ, на 60 рублей въ мѣсяцъ довольно мудро и потому весьма возможно, что у него были деньги. Трудно предположить, чтобы за полгода онъ могъ истратить

всѣ выигранныя пять тысячъ. Никакихъ особенныхъ переменъ въ образѣ жизни его за это время замѣтно не было. По прежнему, онъ являлся весьма аккуратно на службу и такъ же скромно жилъ.

Свидѣтель Роговскій показалъ, что познакомился съ Мержвинской, когда жена должна была родить: дома было тѣсно, онъ направился къ первой попавшейся акушеркѣ, оказавшейся Мержвинской. У нея оказалась свободная комната, куда была положена роженица. Впоследствии Мержвинская еще двѣ три раза принимала въ домѣ свидѣтеля, и стала совсемъ близкимъ человѣкомъ и оказала семьѣ его массу услугъ, которыхъ онъ забыть не можетъ. Такъ, за послѣдніе роды она ни за что не хотѣла брать платы, но доброе сердце ея оказалось, когда въ домѣ у него открылся дифтеритъ. Мержвинская приняла горячее участіе въ его горѣ, дала ему займы выигранный билетъ. Благодаря этой помощи, стало возможнымъ захватить болѣзнь въ корни, изолировать здоровыхъ дѣтей отъ больного, нанять для нихъ особое помѣщеніе. Знакомство съ Соколовымъ состоялось такимъ образомъ: Мержвинская привела къ нимъ Соколова, прося разсѣять его, такъ какъ у него какое-то горе. Соколовъ съ мѣставъ карьеръ сталъ говорить свидѣтелю объ увлеченіи какой-то женщиною, не Мержвинской, — казался весьма угнетеннымъ. Свидѣтель не могъ ему сочувствовать, потому что ему былъ чуждъ какъ самъ Соколовъ, такъ, въ особенности, казался непонятнымъ это увлеченіе. Мержвинская, повидимому, была привязана къ Соколову, и смерть его, послѣдовавшая неожиданно, огорчила ее. Желая хоть нѣсколько отплатить Мержвинской за услуги, которыя она оказала его семьѣ, свидѣтель предложилъ ей переѣхать на время къ нимъ.

На вопросъ гражданскаго иста свидѣтель объясняетъ, что мальчикъ Георгій отпускался часто поиграть съ его дѣтьми. По наружному виду Георгій весьма походилъ на Соколова. Женѣ свидѣтеля часто случалось обращаться за мелкими долженіями къ Мержвинской и никогда отказа не было.

(Окончаніе въ слѣд. №).

Хроника.

12 апрѣля Высочайше утверждено мнѣніе Государственнаго Совѣта по проекту министра финансовъ о мѣрахъ къ упорядоченію торговли льномъ. Причиною, побудившею министерство финансовъ къ внесенію въ Государственный Совѣтъ этого проекта, послужила широко практикуемая фальсификація русскаго льна, обладающаго по своимъ природнымъ качествамъ высокими достоинствами. Злоупотребленія въ льняной торговлѣ въ значительной степени подрывали заграничный сбытъ этого важнаго предмета нашего вывоза и вызвали просьбы самихъ льноводовъ и льноторговцевъ о правительственномъ вмѣшательствѣ. Новый законъ имѣетъ цѣлью дать добросовѣстнымъ торговцамъ средство открывать намѣренную фальсификацію льняного волокна, а также подмѣсъ постороннихъ веществъ въ льняныя связки, установить условія, которымъ должна удовлетворять обдѣлка льна, обращаемого въ продажу внутри Имперіи и за границу, а также наказанія за несоблюденіе постановленій этого закона.

Обращаемый въ продажу внутри Имперіи и за границу лень не долженъ содержать примѣси отбросовъ или иныхъ постороннихъ веществъ и не долженъ

быть подмоченъ для искусственнаго увеличенія его вѣса; связки льна должны вѣсить не болѣе двадцати фунтовъ и состоять изъ волокна однородныхъ качества и обработки; онѣ должны состояться по длинѣ волокна безъ головокъ и обвязываться только однимъ крутцомъ на первой ихъ трети, такъ чтобы концы волокна висѣли свободно по обѣ стороны крутца, и чтобы самое волокно могло быть осмотрѣно безъ развязыванія связокъ; наконецъ крутецъ, которымъ обвязывается связка, долженъ быть льняной.

За продажу, приготовленіе или храненіе для продажи льна, содержащаго примѣсь отбросовъ или иныхъ постороннихъ веществъ, или же подмоченнаго для искусственнаго увеличенія вѣса волокна, виновные въ томъ торговцы подвергаются аресту не свыше одного мѣсяца или денежному взысканію въ размѣрѣ не свыше ста рублей. За несоблюденіе прочихъ правилъ торговцы подвергаются денежному взысканію въ размѣрѣ не свыше ста рублей. Правила эти вводятся въ дѣйствіе только съ 1 сентября 1899 года, въ дѣляхъ заблаговременнаго и возможно большаго оглашенія ихъ какъ въ Россіи, такъ и за границей.

Газеты сообщаютъ, что введеніе **института земскихъ начальниковъ** въ трехъ бѣлорусскихъ губерніяхъ (Витебской, Минской и Могилевской) ожидается въ теченіе предстоящей осени. По проекту министерства внутреннихъ дѣлъ для названныхъ трехъ губерній имѣютъ быть учреждены 167 должностей земскихъ начальниковъ, съ окладомъ содержанія въ 2,800 рублей.

На особое совѣщаніе при департаментѣ торговли и мануфактуръ министромъ финансовъ возложена окончательная разработка **вопросовъ о предоставленіи земству права изданія обязательныхъ постановленій** по устройству медицинской части на фабрикахъ и заводахъ, о пополненіи состава присутствій по фабричнымъ дѣламъ представительствомъ отъ общественныхъ учреждений и проч. („Бирж. Вѣд.“).

Однимъ изъ послѣднихъ указовъ Правительствующаго Сената преподаны крайне важныя указанія городскимъ общественнымъ управленіямъ касательно способовъ **избранія лицъ въ число членовъ подготовительныхъ комиссій**. Ярославской городской думою была избрана въ 1873 г. для составленія инструкціи о порядкѣ дѣйствій исполнительныхъ органовъ городского общественнаго управленія особая комиссія путемъ открытой, а не закрытой баллотировки. Такое постановленіе, отмѣненное губернскимъ по городскимъ и земскимъ дѣламъ присутствіемъ, Сенатомъ также признано неправильнымъ. Основаніемъ къ этому послужили многократныя разъясненія Сената касательно земскихъ учреждений, что выборы на всѣ вообще должности, избраніе которыхъ предоставлено земскимъ собраніямъ, должны производиться не иначе, какъ открыто подачею голосовъ посредствомъ баллотировки шарами. Такой порядокъ, установленный для земскихъ учреждений, по мнѣнію Сената, воплѣн примѣнимъ и къ учреждениямъ городскимъ, образованнымъ по городскому положенію 11 іюля 1892 года, причемъ въ

этомъ послѣднемъ нѣтъ указанія на какое-либо исключеніе изъ общихъ правилъ о порядкѣ производства выборовъ на общественныя должности для членовъ подготовительныхъ комиссій, которые находятся въ числѣ лицъ, состоящихъ на службѣ въ городскихъ поселеніяхъ, и подлежатъ отвѣтственности за противозаконныя дѣйствія по исполненію возложенныхъ на нихъ обязанностей, т. е. за преступленія и проступки по должности, на одинаковыхъ основаніяхъ съ членами городскихъ управъ, причемъ они, подобно этимъ послѣднимъ, могутъ быть подвергаемы этой отвѣтственности въ порядкѣ дисциплинарнаго производства или по приговору уголовного суда. („Сѣв. Кр.“).

На первомъ съѣздѣ витебскихъ сельскихъ врачей, бывшемъ въ январѣ настоящаго года, былъ поднятъ вопросъ **объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній**. На послѣднемъ общемъ собраніи, присутствовавшій инспекторъ народныхъ училищъ въ краткой рѣчи указалъ на огромный вредъ тѣлесныхъ наказаній и предложилъ ходатайствовать объ отмѣнѣ ихъ, что съѣздомъ и было принято, при громкихъ единодушныхъ рукоплесканіяхъ всѣхъ присутствовавшихъ. („Врачъ“).

Въ Гомелѣ образуется общество попечительства **о заключенныхъ въ Гомельской тюрьмѣ арестантахъ**. Общество организуетъ приемъ и правильное распределеніе приношеній въ пользу заключенныхъ, принимаетъ мѣры къ поднятію умственнаго и нравственнаго уровня заключенныхъ, оказываетъ покровительство освобожденнымъ по отбытіи наказанія отысканіемъ и доставленіемъ имъ работы, мѣста, занятій и оказываетъ временную матеріальную помощь нуждающимся и нравственную поддержку. („Мог. Г. В.“).

Комиссіей по вопросу объ **изысканіи мѣръ къ уменьшенію числа незаконныхъ браковъ** собранъ весьма интересный матеріалъ, который послужитъ, по словамъ „Бирж. Вѣд.“, основаніемъ при выработкѣ новаго законоположенія о бракахъ въ смыслѣ необходимости упраздненія нѣкоторыхъ формальностей для законнаго бракосочетанія. На дняхъ въ предстоящемъ пастырскомъ собраніи окончательно будетъ обсужденъ вопросъ объ огласкѣ въ церквахъ предъ вѣнчаніемъ. Во главѣ комиссіи, работающей по этому вопросу, стоитъ профессоръ С.-Петербургскаго университета прот. М. И. Горчаковъ.

2 апрѣля военный судъ въ гор. Грозномъ приговорилъ обвиняемаго къ **смертной казни** по слѣдующему дѣлу: Въ ноябрѣ прошлаго года на хуторъ нѣкогого Денишенко, въ Грозненскомъ округѣ, въ отсутствіе хозяина, произведено нападеніе тремя вооруженными чеченцами, которые захватили разныя вещи и въ томъ числѣ голову сахару, гдѣ, по заявленію Денишенко, у него была припрятана сторублевая бумажка. Шумъ на хуторѣ привлекъ нѣсколькихъ сосѣдей, но разбойники, сдѣлавъ по нимъ 4 выстрѣла, скрылись. Жена и дѣти Денишенко показали, что одинъ изъ нападавшихъ былъ Юсуповъ, года за 2 передъ тѣмъ жившій на хуторѣ въ работникахъ, и потому чеченецъ Юсуповъ предсталъ передъ военнымъ судомъ.

На судѣ, однако, вся семья Денишенко отсутствовала, такъ какъ переселилась въ Закаспійскую область. Остальные же свидѣтели (числомъ до 10) показали въ пользу подсудимаго. По общему мнѣнію, Юсуповъ не былъ въ числѣ нападавшихъ. Свид. Бугленко, сосѣдь потерпѣвшаго, прибѣжавшій на тревогу, удостовѣрилъ на судѣ, что семья Денишенко и другіе очевидцы могли утверждать только, что одинъ изъ разбойниковъ *немного* походилъ на Юсупова. Определенность же показанія семьи Денишенка пріобрѣли лишь по прибытіи отсутствовавшего главы, который приказалъ семьѣ дать такія показанія. Свидѣтель прибавилъ, что Денишенко и его просилъ показывать въ томъ же смыслѣ. Впослѣдствіи свидѣтель Бугленко самъ былъ ограбленъ чеченцемъ, похожимъ на Юсупова, уже въ декабрѣ, когда Юсуповъ былъ арестованъ. По мнѣнію этого свидѣтеля, Денишенко даже выселился потому, что боялся ответственности за ложное показаніе... Три свидѣтеля удостовѣрили *alibi* подсудимаго.

Вообще, вся картина судебного слѣдствія была настолько благопріятна для Юсупова, что всѣ присутствовавшіе на судѣ были вполне увѣрены въ оправданіи. Обвинительный приговоръ (смертная казнь!) поразилъ всѣхъ, какъ громомъ. Въ то самое время, какъ русскіе сосѣди единогласно свидѣтельствуютъ въ пользу Юсупова,—по нѣкоторымъ намекамъ чеченцевъ можно думать, что многимъ изъ нихъ хорошо извѣстенъ настоящій виновникъ, „немного похожій“ на несчастнаго осужденнаго...

Защитникомъ подана кассационная жалоба. Говорятъ, Юсуповъ подаетъ просьбу на Высочайшее Имя. („Спб. Вѣд.“).

На дняхъ, по словамъ „Нарв. Л.“, въ камерѣ мирового судьи 7-го участка Вез.-Вейсенштейнскаго судебного округа разсматривалось **дѣло крестьянки Маріи Себбаръ по обвиненію ея въ нарушеніи тишины во время богослуженія**. 14 марта кистеръ нарвской лютеранской церкви св. Петра Рудольфъ Метцъ заявилъ приставу 1-го участка г. Нарвы, что во время совершенія имъ богослуженія, при чтеніи словъ изъ Евангелія: „женщина, вѣра твоя велика“, находившаяся въ это время въ церкви обвиняемая Марія Себбаръ, женщина уже пожилая, нарушила тишину тѣмъ, что, сойдя со скамьи, подошла къ амвону и начала скакать, хлопать руками и кричать: „женщина, вѣра твоя большая“, приведа этимъ въ соблазнъ молившихся, вслѣдствіе чего и была удалена изъ церкви.

На судѣ Марія Себбаръ виновной себя не признала, объяснивъ, что она, слыша славословіе Бога въ храмѣ, приходитъ въ религіозный экстазъ и тогда не помнитъ, что съ нею дѣлается. Свидѣтель, кистеръ Метцъ, подтвердилъ свое заявленіе, сдѣланное имъ полицейскому приставу, добавивъ, что проступокъ Себбаръ произвелъ на молившихся такое смятеніе, что пришлось на время прервать богослуженіе.

Мировой судья, признавъ Себбаръ виновной въ нарушеніи тишины во время богослуженія, приговорилъ ее къ денежному штрафу въ 16 рублей, а въ случаѣ неосостоятельности—къ аресту на 4 дня.

„Цариц. Вѣстн.“ рассказываетъ, какъ одному крестьянину пришлось совершить **1,500 верстъ по этапу** за „жилетку“.

Недавно въ Царицынѣ доставленъ этапнымъ порядкомъ арестантъ, крестьянинъ Кіевской г. Черкаскаго у., Калининченко. Доставленъ онъ изъ Кіевской губерніи въ Царицынъ на судъ въ качествѣ обвиняемаго въ кражѣ жилетки, цѣною въ 60 к., и пропутешествовалъ съ мѣста родины поэтому около 1,500 верстъ. Въ 1897 году онъ проживалъ на станціи „Бекетовка“, Тихорѣцко-Царицынской желѣзно-дорожной линіи, въ качествѣ желѣзнодорожнаго чернорабочаго. Тамъ онъ, по его словамъ, купилъ жилетку у одного изъ своихъ товарищей, чернорабочихъ, за 60 к. При покупкѣ было уплачено продавцу 15 к., а 45 к. Калининченко обязывался уплатить продавцу потомъ. Но „потомъ“ денегъ у Калининченко не случилось. Продавцу жилетки надоѣло ожидать полученія уплаты, и вотъ онъ заявилъ станціонному жандарму о покражѣ у него жилетки. Жандармъ составилъ протоколъ. По окончаніи работъ на желѣзной дорогѣ Калининченко ушелъ къ себѣ на родину, позабывъ даже о жилеткѣ и протоколѣ жандарма. И вдругъ теперь, больше чѣмъ черезъ годъ времени, въ самую пахоту, въ самый разгаръ весеннихъ полевыхъ работъ, его берутъ изъ Черкаскаго уѣзда и везутъ или гонятъ пѣшкомъ въ Царицынъ... У Калининченко есть, будто бы, свидѣтели факта покупки, а не кражи жилетки у товарища. Но свидѣтели эти, въ свою очередь, проживаютъ постоянно въ центральныхъ губерніяхъ Россіи и по этой причинѣ не могутъ лично явиться на судъ въ Царицынъ. А пока Калининченко содержится въ „предварительномъ заключеніи“.

Въ „Кіевлянинѣ“ напечатано письмо присяжнаго повѣреннаго Н. И. Домонтовича, касающееся **дѣла Скитскихъ**.

„Бывши въ Полтавѣ 12 апрѣля, я лично осматривалъ мѣстность, гдѣ найденъ трупъ Комарова, и пришелъ къ несомнѣнному убѣжденію, что на томъ мѣстѣ, гдѣ найденъ Комаровъ, убійство среди бѣла дня не могло быть совершено, ибо дорога, по которой проходилъ Комаровъ, была проѣзжая, и по ней беззвучно сновали водовозы за водой отъ кирпичнаго завода къ пруду. Между прочимъ, г. Домонтовичъ удивляется также тому, что г-жа Комарова не могла найти своего мужа до вечера, когда искать его съ правой отъ дачи стороны не приходилось: это мѣсто открытое; искать можно было только съ лѣвой стороны, т. е. въ лѣсу, при томъ всего на разстояніи отъ дачи въ $\frac{1}{2}$ версты, а отъ дороги шагахъ въ 10—15. Если припомнимъ изъ дѣла, что около Комарова на куствѣ торчалъ раскрытый зонтъ, а лѣсъ не особенно обширенъ, то пологительно непонятно, какимъ образомъ онъ не могъ быть отысканъ немедленно“. Г. Домонтовичъ высказываетъ увѣренность, что убійство Комарова совершено близкими къ нему людьми, и что безъ осмотра на мѣстѣ невозможно было суду придти къ правильному заключенію.

4 мая въ Варшавскомъ окружномъ судѣ будетъ разбираться громкое дѣло **по обвиненію мѣстнаго профессора-хирурга Косинскаго и д-ра Саломона**

въ томъ, что при производствѣ операциі у больной Гольды Кацъ они оставили стальной инструментъ въ брюшной полости, слѣдствіемъ чего была смерть Кацъ.

Вендерскимъ земствомъ возбуждено ходатайство о дополненіи 108 ст. положенія о зем. учрежд. предоставленіемъ губернскому земскому собранію права издавать обязательныя постановленія о мѣрахъ упорядоченія торговли произведеніями сельской промышленности въ мѣстечкахъ и селеніяхъ, а также объ изданіи департаментомъ торговли и мануфактуръ правительственныхъ мѣръ и вѣсовъ и распространеніи ихъ, при участіи земскихъ управъ, для цѣлей торговли.

Тѣмъ же земскимъ собраніемъ признано, что вѣсы должны быть обыкновеннаго простаго устройства, но отнюдь не десятичные, которые весьма часто не точны, легко портятся и болѣе пригодны для злоупотребленій, главное же — мало удобопонятны для простаго народа. Существующія четвериковыя мѣрки должны быть или совершенно изъяты изъ употребленія, или же замѣнены мѣрками, изготовляемыми правительственными учрежденіями; при производствѣ такихъ мѣръ должны быть точно опредѣлены ихъ діаметръ, а высотѣ и формѣ ея слѣдуетъ придать видъ правильнаго цилиндра, а не усѣченнаго конуса, что весьма важно при повѣркѣ.

Самая покунка всякихъ сельско-хозяйственныхъ продуктовъ, привозимыхъ въ торговые центры для сбыта, должна производиться только на базарныхъ площадяхъ, на которыхъ для каждаго разряда предметовъ сельской промышленности должны быть отведены особыя мѣста.

Для надзора же за правильностью торговли вообще и правильностью употребляемыхъ мѣръ и вѣсовъ, въ каждомъ торговомъ пунктѣ должны быть организованы особые торговые комитеты изъ членовъ мѣстной администраціи и уполномоченныхъ отъ земства, мѣстнаго купечества и землевладѣльцевъ. На обязанность этого комитета могло бы быть возложено наблюденіе за исполненіемъ обязательныхъ постановленій, если таковыя будутъ изданы подлежащими учрежденіями, повѣрка мѣръ и вѣсовъ, полюбовное разрѣшеніе споровъ и недоразумѣній, возникаемыхъ при куплѣ-продажѣ между продавцами и покупателями.

ПИСЬМО ВЪ РЕДАКЦІЮ.

Милостивый государь, г. редакторъ.

Позвольте мнѣ заявить черезъ посредство газеты вашей, что всякое мое участіе въ *Юридической Газетѣ*, — въ которой я завѣдывалъ редакціей и съ первыхъ дней существованія газеты безымянно велъ отдѣлы передовыхъ статей и „отвѣтовъ и разъясненій редакціи“, — отнынѣ прекратилось.

Д. А. Левинъ.

Спб. 29 апр. 1899 г.

Библиографія.

„Журналъ Министерства Юстиціи“ Апрель 1899 г.

Статья Л. Б. Мандельштама „Учрежденіе нотариата и его организація“ имѣетъ цѣлью восполнить „отсутствіе въ нашей юридической литературѣ

сколько-нибудь серьезныхъ изслѣдованій въ столь значительной области, какъ нотариатъ“. Авторъ знакомитъ насъ съ организаціей нотариата во Франціи, Германіи и Австріи, но изложеніе его страдаетъ нѣкоторыми неточностями и странностями. Такъ, на стр. 5 говорится, что нотариусы совершаютъ всякіе акты, къ которымъ стороны должны или могутъ обратиться для приданія этимъ актамъ характера подлинности и значенія актовъ, признанныхъ формальными. Въ законѣ же мы читаемъ: tous les actes et contrats auxquels les parties doivent ou veulent faire donner le caractere d'authenticité, attaché aux actes de l'autorité publique. Г. Мандельштамъ сообщаетъ, что нотариусамъ воспрещено участвовать въ акціонерныхъ обществахъ (с. 6), въ дѣйствительности законъ воспрещаетъ лишь участіе въ администраціи обществъ. Переходя къ организаціи нотариата въ Россіи, авторъ указываетъ, что идея учрежденія нотариусовъ имѣетъ у насъ свою исторію и въ доказательство приводитъ, между прочимъ, „что первые акты у насъ писались людьми грамотными, хотя бы они и не были облечены для сего особенной властью или уполномочіемъ правительства. Довѣрительнымъ основывалось на фактѣ грамотности“ (с. 26). Недостатки современной организаціи авторъ видитъ въ томъ, главнымъ образомъ, что законъ допускаетъ добровольное соглашеніе между нотариусами и сторонами о вознагражденіи нотариуса и что нотариусы не состоятъ на государственной службѣ. Въ этомъ заключается громадная ошибка законодателя, вызывающая нерѣдко совершенно справедливыя нареканія на нотариусовъ (с. 34), причина фальшиваго отношенія нотариусовъ къ обществу (с. 43), но тѣмъ не менѣе оказывается, что нашъ нотариатъ завоевалъ себѣ прочное положеніе въ обществѣ, а представители его приобрѣли себѣ уваженіе и безусловное довѣріе (с. 36). Этому утверженію тѣмъ пріятнѣе было бы повѣрить, что чрезъ одну страницу авторъ вновь повторить, что нотариусы, за рѣдкими, конечно, исключеніями, такъ высоко держатъ знамя своей службы, что вездѣ они завоевали себѣ весьма почетное положеніе и безусловное довѣріе (с. 38). Но, утвержденіе это голословно, а между тѣмъ есть факты, которые нѣсколько ему противорѣчатъ; такъ изъ напечатанной въ „Жур. М. Ю.“ за 1898 г. № 7 замѣтки о дѣятельности Плоцкаго окр. с. по упорядоченію нотаріальнаго дѣла (с. 320—322) мы узнаемъ, что суду пришлось вести упорную борьбу, чтобы заставить нотариусовъ соблюдать законъ, не относиться небрежно къ своимъ обязанностямъ, не составлять фиктивныхъ актовъ и т. п. При такихъ условіяхъ—едва ли можно придавать серьезное значеніе всѣмъ другимъ утвержденіямъ автора, какъ напр. тому, что нотариусы безъ высшаго юридическаго образованія съ достоинствомъ занимаютъ свои мѣста и прекрасно исполняютъ свои обязанности и, рядомъ съ ними (хорошо еще, что „не всегда и не вездѣ“) люди, съ высшимъ юридическимъ образованіемъ, не справляются съ этой должностью (с. 40).

Въ статьѣ „Крестьянскій дворъ“ А. М. Гуляевъ подробно разбираетъ даваемое практикою Сената рѣшеніе вопроса, кто является собственникомъ надѣльнаго имущества. На критикѣ мотивовъ сенатскихъ рѣшеній авторъ почти не останавливается. Онъ вполне признаетъ, что развитая Сенатомъ теорія крестьянскаго двора, приведшая къ тому, что отдѣльные элементы права собственности въ лицѣ домохозяйина подверглись ограниченіямъ въ интересахъ членовъ двора, но и дворъ не сталъ субъектомъ права общей собственности, а признанъ лишь субъектомъ своеобразнаго права (с. 88), находить „лишь слабую опору въ текстѣ крестьянскихъ положеній (с. 91) и не согласно съ духомъ ихъ. Несмотря на это, авторъ не считаетъ сенатской теоріи противозаконной: по его мнѣнію она, такъ сказать, „приспегнута“ къ закону.

Вполнѣ сочувствуя этому созданію сенатской практики, и находя, что она вполнѣ „соотвѣтствуетъ требованіямъ жизни съ точки зрѣнія правительства“ (с. 54), г. Гуляевъ приводитъ на справку, на основаніи работъ Гирке и Гейслера, существующій въ германскомъ правѣ институтъ общности—*der gesammten Hand*. Такого рода сообщество не есть субъектъ правъ, отдѣльный отъ входящихъ въ его составъ индивидовъ, подобно юридическому лицу,—въ немъ „соединенные индивиды совокупно призываются къ активному участию въ общей для всѣхъ сферѣ“ (70).

Затѣмъ авторъ подробно останавливается на вопросахъ: кто является домохозяиномъ, какое именно имущество составляетъ собственность „двора“, что такое „рабочая семья“, созданная Сенатомъ на мѣсто семьи, какъ союза кровнаго, для чего „кровная связь между наследникомъ и наследодателемъ игнорируется сенатской практикой въ области имущественныхъ отношеній между членами крестьянской семьи“ (94), изъ кого соскочитъ эта рабочая семья, каковы взаимныя права ея членовъ. Эти послѣднія права „не находятъ яснаго опредѣленія въ сенатскихъ рѣшеніяхъ“ (90).

Обсуждая вопросъ *de lege ferenda* (64—66, 90—91, 98—99), авторъ сочувствуетъ дальнѣйшему развитію проводимыхъ Сенатомъ взглядовъ и заканчиваетъ свою статью утвержденіемъ, что „обеспеченіе крестьянъ землею и мыслимо только при той конструкціи, что надѣлъ составляетъ не единоличное достояніе домохозяина, а представляетъ объектъ права коллективнаго субъекта—всѣхъ членовъ крестьянскаго двора“ (99).

Статья В. М. Гессена „**О вѣчномъ мирѣ**“ посвящена вопросу, который теперь, въ виду приближенія Гаагской конференціи, вновь обращаетъ на себя всеобщее вниманіе. Авторъ—горячій сторонникъ идеи мира и возможности осуществленія ея въ жизни. „Еще не такъ давно идея мира была достояніемъ лишь немногихъ избранныхъ умовъ; въ наше время она проникаетъ въ сознаніе народныхъ массъ, создаетъ широкое общественное движеніе въ пользу вѣчнаго мира. По мѣрѣ того, какъ идея мира распространяется и крѣпнѣетъ, ея вліяніе на международную жизнь становится все болѣе и болѣе интенсивнымъ. Неопровержимые факты современной дѣятельности предвзвѣщаютъ грядущее торжество идеи мира въ международной жизни“.

Право постепенно отъясняетъ силу, захватываетъ все болѣе и болѣе широкія сферы человѣческой жизни. Эта борьба „не остановится на границахъ государства. Уже теперь мы присутствуемъ при постепенномъ переходѣ международнаго общенія изъ естественнаго состоянія въ правовое; съ завершеніемъ этого перехода окончится эпоха войны и начнется эпоха мира“.

Въ небольшой замѣткѣ по поводу примирительнаго разбирательства по дѣламъ, производящимся въ порядкѣ частнаго обвиненія, И. Гордонъ отмѣчаетъ недостатокъ 303¹ ст. уст. уг. суд., заключающійся въ томъ, что въ случаѣ неявки обвинителя безъ законныхъ причинъ дѣло прекращается, между тѣмъ какъ явка часто сопряжена съ весьма серьезными неудобствами и затрудненіями. Поэтому авторъ предлагаетъ измѣнить правило этой статьи въ томъ смыслѣ, чтобы по дѣламъ, по коимъ жалоба частнаго обвинителя разсматривается безъ производства предварит. слѣдствія, примирительное разбирательство производилось въ окружн. судѣ; по остальнымъ же дѣламъ—считать неявку частнаго обвинителя за желаніе окончить дѣло миромъ и предоставить частному обвинителю, письменно изложивъ

условія, на коихъ онъ согласенъ окончить дѣло миромъ, требовать разрѣшенія дѣла безъ его явки.

Любопытныя свѣдѣнія о преступности населенія Самарандской области сообщаетъ въ своей замѣткѣ К. Леонасъ. Какъ и слѣдовало ожидать, наибольшій %о всѣхъ преступленій составляютъ убійства, а за ними слѣдуютъ разбои и грабежи. На 100 тысячъ жителей, осужденныхъ за убійство приходится здѣсь 38 чел. Большинство убійствъ совершаются въ припадкѣ гнѣва, безъ обдуманнаго заранѣ намѣренія—ножемъ, который туземцы мужчины обыкновенно носятъ съ собою въ ножнахъ у пояса. Изъ числа мало-важныхъ преступленій отмѣчается значительное количество проступковъ противъ порядка управленія, причѣмъ авторъ цифровыми данными опровергаетъ раздающіяся со стороны административныхъ властей нареканія на слабую репрессию судей по дѣламъ противъ порядка управленія.

А. В. Скопинскій въ статьѣ „**Объ ответственности предпринимателей за несчастія съ рабочими**“ привѣтствуетъ выработанный департаментомъ торговли и мануфактуръ проектъ правилъ огражденія машинъ въ видахъ большей безопасности рабочихъ. Авторъ указываетъ, что „обязательныя постановленія губернскихъ по фабричнымъ дѣламъ присутствій далеко не удовлетворительно разрѣшаютъ этотъ вопросъ огражденія машинъ, чѣмъ въ значительной степени обусловливается значительно большее число несчастныхъ случаевъ съ рабочими у насъ, чѣмъ на Западѣ. Такъ въ Англіи въ 1872 г. одно увѣче произошло на 210 рабоч., въ Германіи на 434, а въ Россіи по даннымъ, собраннымъ г. Святолевскимъ, на сахарныхъ заводахъ получаетъ поврежденіе 1 изъ 14 рабочихъ, на паровыхъ шерстомойняхъ 1 изъ 5 (впрочемъ большинство должно быть отнесено къ числу легкихъ). Авторъ отмѣчаетъ и недостатки проекта, заключающіеся въ томъ, что проектъ лишь рекомендуетъ многіе цѣлесообразные приборы, не обязывая ихъ употреблять. Отличаясь въ нѣкоторыхъ случаяхъ излишней регламентаціей, проектъ совершенно умалчиваетъ о нѣкоторыхъ очень важныхъ отрасляхъ промышленности (напр., сахарной, мукомольной). Авторъ далѣе правильно указываетъ на то, что помимо введенія этихъ правилъ необходимо подвергнуть существенному пересмотру законы объ ответственности фабрикантовъ за несчастные случаи съ рабочими, законы, неудовлетворительность которыхъ не можетъ подлежать сомнѣнію. Авторъ полагаетъ, что фабричныя несчастія должны быть приравнены къ желѣзнодорожнымъ, и что ответственность за несчастія должна опредѣляться по ст. 1085 улож. о наказ.

Въ заключеніе, указывая на крайне тяжелыя условія, коими обставлены искі рабочихъ за увѣче и смерть, авторъ указываетъ, что „какъ бы ни были широки основанія ответственности предпринимателей, они не могутъ охватить всѣхъ причинъ несчастныхъ случаевъ“. Поэтому авторъ высказываетъ пожеланіе, чтобы у насъ было введено правительствомъ обязательное и всеобщее страхованіе рабочихъ.

Статья М. П. Шафира «**Объ установленныхъ закономъ ограниченіяхъ въ отношеніи отчужденія принадлежащихъ малороссійскимъ казанамъ потомственныхъ земель**» содержитъ въ себѣ систематически разработанный законодательный матеріалъ по разсматриваемому въ ней вопросу. Авторъ оспариваетъ правильность нѣкоторыхъ выводовъ В. П. Мордухай-Болтовскаго, въ его статьѣ, посвященной тому же вопросу и напечатанной во 2 книгѣ „Вѣстника Права“.

Список дѣлъ, назначенныхъ къ слушанію въ Правительствующемъ Сенатѣ.

На 3 мая, по 3 Департаменту.

Апелляц.: по иску Попкова и Бычковой къ Шумановой о признаніи духовнаго завѣщанія недѣйствительнымъ; по иску Зоха съ Павловой о 3,200 р.; по иску Полозовой къ Парфеновымъ объ истребованіи отчета о выдачѣ части дохода; гр. Ледоховской объ участкѣ земли спорномъ между ею и Старинномъ; по иску Сайкуловой къ Сайкудову; по иску Гарло къ Свенторжецкому объ удовлетвореніи по договору.

Частныя: Синицына о прекращеніи взысканія въ безспорномъ порядкѣ; Гурьева объ утвержденіи за нимъ недвижимаго имущества; протестъ Семпрѣченск. обл. прок. по дѣлу Мадяганова съ Машанло и Суманло о 300 р.; общ. рязанско-уральск. ж. д. о взысканіи апелляціоннаго штрафа; Габайдуллиной о взысканіи гербоваго сбора; о залогѣ имѣнія Кайшаевыхъ; о продажѣ имѣній наследниковъ: Борисовыхъ; Анвилевыхъ; Крапивно; малолѣтнихъ: Крюковой; Лебедева; объ освѣдѣт. умств. способ.: Генделева; Ваумштейнъ; Кохановича.

На 4 мая, по 5 Департаменту.

Арест.: о Тангтаровѣ въ нанесеніи смерт. побоевъ.
Уголовныя: о Кучинѣ въ нанесеніи тяжкихъ побоевъ; о Прѣсянковой въ присвоеніи принадлежащей ей фамилии.
Апел.: о Кошцевѣ.

Частныя: о Кузьминѣ; о Андреевѣ въ изнасилованіи; о Хлюпинѣ; о Вогородицкомъ; о Пострѣловѣ; о Атебековѣ.

На 4 мая, по апелляціонному столу.

По отъѣздамъ: Венерова на Тифлиск. с. п. по 347 ст. ул. и 134 ст. у.; зам. Розенгейна на Московск. с. п. по 348 и 1540 ст. ул.; Римскаго-Корсакова на Киевск. с. п. по 411 ст. ул.

По пропеснямъ: тов. прок. на Иркутск. с. п. по обв. Пономарева по 354 ст. ул.; тов. прок. на Московск. с. п. по обв. Лядова и др. по 341 ст. ул.

На 7 мая, по 1 отд. Угол. Касс. Департ.

Жалобы: Лейбъ Варшавск. 2 окр. м. с.; Равичей Ломжинск. 1 окр. м. с.; Солохина Симферопольск. о. с.; Зака Чериковск. м. с.; Романовскаго Таганрогск. о. с.; Гандарина Ставропольск. о. с.; Каганера Оршанск. м. с.; Каганъ Чериковск. м. с.; Жегавки Варшавск. гор. м. с.; Кузина Великолукск. о. с.; упр. акц. сб. Сѣдлецк. 2 окр. м. с. по обв. Флейшера; Рабинова Дисненск. м. с.—въ по обв. въ наруш. пнт. уст.; Глезера Виленск. м. с.; Зданкевича Варшавск. гор. м. с.; Выхарскаго Сувалск. 1 окр. м. с.; Лейбманъ Могилевск. м. с.; Вабо Оршанск. м. с.; Шенкера Кременецк. м. с.; Христичъ Луцк. м. с.; Павлова Спб. ст. м. с.; Бобовиной Спб. ст. м. с.; Стафѣева Спб. ст. м. с.; Воземской Спб. ст. м. с.; Гиренко Спб. ст. м. с.; Ревзина Чериковск. м. с.; Скопа Ковельск. м. с.; Половйкой Гомельск. м. с.; Переца Люблинск. 1 окр. м. с.; Зархи Оршанск. м. с.—въ по обв. въ наруш. строит. уст.; Розенберга Кишиневск. о. с. въ наруш. тамож. уст.; Тартаковскаго Одесск. гор. м. с. въ наруш. таб. уст.; Шерешевской Гродненск. м. с. 1061 ст. таб. у.; Юргенсона П. Феллинск. м. с. 1061 ст. таб. у.; Мурашева Пензенск. о. с. кража; Куликова Саратовск. о. с. 1654, 294 и 296 ст. ул.

Предложеніе оберъ-прокурора о возоб. дѣла о Кочмарчикѣ.

На 7 мая, по 2 отд. Угол. Касс. Департ.

Жалобы: Гохберга Луцк. о. с. 1642 ст. ул.; Мельника Кишиневск. о. с. 172 ст. ул.; Каряевыхъ Херсонск. о. с. 1643 ст. ул.; Качурки Ушцк. м. с. кража; Куперштейна Луцк. м. с. по обв. Яворской по 142 ст. ул.; Красовидова Казанск. с. п. лихоимство; Дегтяря Одесск. о. с. 1454 ст. ул.; Вуручко-Высоцкаго на опред. сб. ст. м. с.; Новидкаго К.-Пружанск. м. с. 142 ст. ул.; Крутоловой Липовецк. м. с. кража; Григорцева Гомельск. м. с. 172 ст. ул.; Разумовскаго Тульск. о. с. 180а ст. ул.; Краповской Гродненск. о. с. по обв. Краповскаго по 311 ст. ул.; Васютинской Одесск. о. с. кража; Жебетовъ на опред. Уманск. м. с.; Кеншицкаго Дисненск. м. с. 180а ст. ул.; Радченковъ Каневск. м. с. 31 ст. ул.; Сивичкаго Луцк. о. с. 1523 ст. ул.; Цибули Одесск. о. с. 169 и 172 ст. ул.; Лавринкевича на опред. Виленск. с. п.; Данцленковой и Федоренковой на опред. Харьковск. с. п.; Рынкевича Дисненск. м. с. по обв. Везделя въ мошенничествѣ; Бондаря Липовецк. м. с. 142 ст. ул.; Марача Могилевск. м. с. 172 ст. ул.; Дубины и Штопенко Херсонск. о. с. кража; Радченка Нѣжинск. о. с. кража; Зеленскаго Брацлавск. м. с. по обв. Сироты по 142 ст. ул.; Зарѣцкаго Р.-Мозырск. м. с. кража; Курленко и др. на опред. Харьковск. с. п.; Федотова Елисаветградск. о. с. по обв. Касилова въ кражѣ; Смирнова на опред. Москов. ст. м. с. (2 дѣла); Теръ-Казарова на опред. Казанск. с. п.; Авлова Липовецк. м. с. 26 и 73 ст. ул.; Островскаго Таращанск. м. с. 31 ст. ул.; Будкевича Таращанск. м. с. кража; Вакулка. Таращанск.

м. с. кража; Витовича Кременецк. м. с. по обв. Барковскаго по 142 ст. ул.; Эдригевича Вилкомирск. м. с. 130 ст. ул.; Гурновича Горецк. м. с. 31 ст. ул.; Гондельмана Кишинев. о. с. 1707 ст. ул.; Швеца на опред. Киевск. с. п.; Дашевскихъ и др. Харьковск. о. с. 1707 и 1160 ст. ул.

Протесты: товарищей прокурора: на Петрозаводек. о. с. по обв. Пеккіева по 1533 ст. ул.; на Кишинев. о. с. по обв. Шербины и др. по 1489 и 1490 ст. ул.; на Подтавск. о. с. по обв. Саута по 1707 ст. ул.; на Симферопольск. о. с. по обв. Семеновой по 1452 ст. ул.; тов. прокур. и жалобы Мартыновыхъ на Москов. с. п. по обв. Гуриловой въ ростовщичествѣ.

На 7 мая, по 4 отд. Угол. Касс. Департ.

Жалобы: Леймана Варшавск. 2 окр. м. с. 46 ст. ул.; Сливинскаго Петроковск. 1 окр. м. с. 146 ст. ул.; Бабкина Харьковск. с. п. 354 ст. ул.; Копеля Варшавск. с. п. 1468 ст. ул.; Раестина и др. Спб. с. п. 1483 ст. ул.; Олема Спб. с. п. 169 ст. ул.; Тренкевича Петроковск. 1 окр. м. с. 170 ст. ул.; упр. гос. имущ. Овручск. м. с. по обв. Дидковскихъ; Цепелинскаго Сѣдлецк. 1 окр. м. с.; упр. гос. имущ. Владикавказск. м. с. по обв. Дзаховыхъ; Петрулевича Виленск. м. с.; упр. гос. имущ. Овручск. м. с. по обв. Зелцко; упр. гос. имущ. Владикавказск. м. с. по обв. Доева,—въ по обв. въ наруш. лѣсн. уст.; Васлюка Винницк. м. с. кража; Кудумбекова Тифлиск. с. п. покуш. на убійство; Ованесова Тифлиск. с. п. отравленіе; Гусейна-бека-Самедбекова Тифлиск. с. п. 395 ст. ул.; Сагоева и Яндиева Тифлиск. с. п. разбой; Зейналовыхъ и др. Тифлиск. с. п. 556 ст. ул.; Асатурова Тифлиск. с. п. 373 ст. ул.; Павлючука Виленск. с. п. 373 ст. ул.; Геншель Московск. с. п. 1466 ст. ул.; Ромославскаго Спб. с. п. 417 ст. ул.; Сакса Спб. с. п. 354 ст. ул.; Иванова Харьковск. с. п. 362 ст. ул.; Репеца Люблинск. 2 окр. м. с. клевета; Рущика Варшавск. с. п. 1484 ст. ул.; Томаль Варшавск. с. п. 1453 ст. ул.; Васъ и Гизье Варшавск. с. п. 1453 ст. ул.; Шутрика Варшавск. с. п. 1490 ст. ул.; Цигина Тифлиск. с. п. кража; Захра-Али-Кизы Тифлиск. с. п. 1451 ст. ул.; Петрова Казанск. с. п. 1454 ст. ул.; Криевича Петроковск. 1 окр. м. с. 173 ст. ул.; Кожуховскаго Сѣдлецк. 2 окр. м. с. мошенничество; Новикова Спб. с. п. 1485 ст. ул.; Кротова Московск. с. п. 282 ст. ул.; Карковской Варшавск. гор. м. с. обиды; Россинскаго Сувалск. 1 окр. м. с. буйство; Злотокамень Плоцк. 2 окр. м. с. 172 ст. ул.; Залѣсскаго Московск. с. п. 1585 ст. ул.; Толстовой Тифлиск. с. п. кража; Бройдеса Спб. с. п. 1077^а ст. ул. и 91^а ст. ул.; Кнота Спб. с. п. 182 ст. ул.; Никанорова Спб. с. п. 1464 ст. ул.

Дѣла о возобновеніи: о Кузнецовѣ; о Ленингѣ.

На 8 мая, по 3 отд. Угол. Касс. Департ.

Жалобы: Петрова Сарапульск. о. с. 1525 ст. ул.; Назаренки Харьковск. о. с. 170^а ст. ул.; Яксона П. Феллинск. м. с. кража; Алексѣева Тверск. о. с. 1489 и 1490 ст. ул.; Смирнова Кашинск. о. с. 1490 ст. ул.; Швеца Сумск. о. с. 1490 ст. ул.; Потѣхина Новочеркаск. о. с. 1523 ст. ул.; Шлимана Спб. ст. м. с. по обв. Васильева по 136 ст. ул.; Архипова Спб. ст. м. с. 38 ст. ул.; Никитина Спб. ст. м. с. 172 ст. ул.; Абрамова Р.-Вольмарск. м. с. 180 ст. ул.; Вабенко Харьковск. м. с. 142 ст. ул.; Кулагина Ярославск. о. с. 1524 ст. ул.; Юлья Р.-Гапсальск. м. с. 172 ст. ул.; Юнова Кишиневск. м. с. 1484 ст. ул.; Полякова и др. Тверск. о. с. 1642 ст. ул.; Якубчика Московск. о. с. 1655 ст. ул.; Эллерта Гродненск. м. с. 29 и 69 ст. ул.; Воронина Харьковск. м. с. кража; Шипицина Вологодск. о. с. 1609 ст. ул.; Луциевой Таганрогск. о. с. 1490 ст. ул.; Дьяконовыхъ Таганрогск. о. с. 1681 ст. ул.; Набока Харьковск. о. с. 1483 ст. ул.; Янѣва П. Феллинск. м. с. кража; Степанова Московск. о. с. 1690 ст. ул.; Глабе на постановл. П.-Феллинск. м. с.; Левина Ростовск.-на-Дону м. с. по обв. Калмыкова и др. въ кражѣ; Павловыхъ Кашинск. о. с. 1642 ст. ул.; Войкова Кашинск. о. с. 1455 ст. ул.; Тагирова Екатеринбургск. о. с. 170^а ст. ул.; Ижоболдина Сарапульск. о. с. 1454 ст. ул.; Андреева Калужск. о. с. 172 ст. ул.; Кичигина Екатеринбургск. о. с. 1632 ст. ул.; Черновривченко и Тригуба Сумск. о. с. 170^а ст. ул.; Вернау Р.-Вольмарск. м. с. 115 и 116 ст. ул.; Тишко Р.-Вольмарск. м. с. 135 ст. ул.; Маслова Харьковск. м. с. 135 ст. ул.; Яковлева Спб. ст. м. с. 169 ст. ул.; Кобелева Казанск. м. с. 136 ст. ул.; Мельдре В.-Вейсенштейнск. м. с. 142 ст. ул.; Лебедева Московск. ст. м. с. 169 ст. ул.; фонъ-Кардсбурга Р.-Гапсальск. м. с. 118 ст. ул.; Иванова Московск. ст. м. с. 38 ст. ул.; Винникова Таганрогск. м. с. по обв. Влошкина по 136 ст. ул.; Вудика и др. Лубенск. о. с. кража; Шистера Ровенск. м. с. 29 ст. ул.; Гане М.-Баусск. м. с. 142 ст. ул.; Яковлевой Московск. о. с. 180 ст. ул.; Фелера и др. Вилкомирск. м. с. наруш. прав. в коробч. сборѣ; Чешера Спб. ст. м. с. 1359 ст.